

Пылесос для Демона

Тор Протек

Протек Тор

Пылесос для демона

«Автор»

2026

Тор П.

Пылесос для демона / П. Тор — «Автор», 2026

Мир меняется. Люди больше не верят в богов – они верят в деньги, в успех, в любовь, в справедливость или хотя бы в то, что завтра будет лучше, чем вчера. И это делает их уязвимыми. Потому что на каждую искреннюю надежду всегда найдётся тот, кто захочет ею поживиться. Три совершенно разных человека – провинциальный парень с пылесосом в руках, молодая ведьма с кладбищенским стажем и стареющий финансист, у которого отняли всё, – оказываются втянуты в игру, где ставки выше денег и власти. Здесь ангелы и демоны вынуждены договариваться, боги возвращаются в мир, но уже не для того, чтобы спасать, а чтобы поглощать, и даже самые простые желания вдруг начинают исполняться с точностью, которая пугает больше, чем отказ. Им предстоит пройти через обряды и ритуалы, через собрания ненавидящих, любящих и верящих, чтобы в финале сделать выбор, который не вписывается ни в один договор, подписанный на небесах или в аду. Потому что иногда правильно – это не то, что прописано в правилах. Иногда правильно – это просто не дать умереть тому, кому больно. Даже если эта боль – чужая. Им не нужны награды. Им нужен смысл. Или хотя бы шанс узнать, существует ли он вообще. В этой книге нет героев в белых плащах и злодеев с рогами. Есть люди, которых мир перемолол, но не переварил. И есть Силы, которые очень скоро поймут: люди больше не игрушки. Они – соперники.

© Тор П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 глава. Пылесос	5
2 глава. Могила	15
3 глава. Акции	24
4 глава. Ревизор	34
5 глава. Конвейер	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Протек Тор

Пылесос для демона

1 глава. Пылесос

У высокого окна, начинающегося от уровня пола, в лучах рассветного солнца стоял невысокий пожилой мужчина. Его крепкая, коренастая фигура была облачена в богато расшитый халат из дорогого сукна. Его ноги, обутые в бархатные туфли с высоко загнутыми носками, были широко расставлены, добавляя образу крепость и уверенность.

Казалось, не он стоит твёрдо на ногах, а окружающий мир опирается на его крепкие ноги. Эдакий Атлант, пусть и небольшого роста.

Мужчина увлечённо смотрел куда-то вниз, на улицу, вид на которую открывался с последнего этажа многоэтажки.

– Внук, – сказал он кому-то, не поворачивая головы, – сегодня на курсах выпускной – так что ждём гостей.

Внук, к которому обратился мужчина, сидел в кресле, подобрав ноги под себя, и что-то увлечённо рассматривал в смартфоне. Он молча кивнул в ответ на комментарии деда, даже не поднимая глаз от экрана, и затем, после небольшого раздумья, уточнил:

– Ты или я?

– Я, – дед повернулся к внуку и потер руки, как будто умывал их, – думаю, что ты ещё не готов.

Внук меланхолично пожал плечами, мол, хозяин – барин, и вновь уткнулся в смартфон. А дед между тем снова повернулся к окну и продолжил наблюдение.

– Вот-вот, началось! – воскликнул дед и вновь потер руки, как бы в предвкушении чего-то большего, чем просто начало действия.

Внук подошёл и встал рядом, присоединяясь к созерцанию происходящего.

Из дверей одного из офисных зданий, что стояло неподалёку, буквально вывалилась толпа возбуждённых молодых людей. Каждый из них нёс в руках по коробке, где виднелось изображение пылесоса. Кто-то тащил его подмышкой, кто-то – в руках перед собой, как ценный груз, кто-то, перевязав коробку тесёмкой, нёс как большой и увесистый торт. Самые находчивые тащили не по одной, а по две коробки, водрузив их на небольшие двухколёсные тележки. Можно было подумать, что где-то проходила распродажа и каждый из присутствующих урвал себе по покупке с большой скидкой.

Но мы-то уже начинаем догадываться, что это не так: в ином случае эти два типа у окна, чьи заботы, судя по их внешнему виду, простираются гораздо дальше или выше пылесосов, не тратили бы время на изучение увиденной картины. Впрочем, может быть, автор не прав, и они действительно нуждаются в пылесосе – и если им повезёт, то кто-то из них сегодня станет обладателем вот такого чуда техники.

Молодые люди, быстро оглядевшись по сторонам и не тратя время на принятие решения, резво направились каждый в свою сторону. Видимо, маршрут их был согласован, выверен и продуман до того, как они попали на божий свет из темноты офисных пространств и складов. На площадке перед офисом остался лишь один юноша с всклокоченными соломенными волосами. Он был несколько растерян, и его образ буквально сквозил неуверенностью – плохой признак для успешного коммивояжёра.

Он несколько минут стоял неподвижно и смотрел себе под ноги, затем поднял глаза прямо туда, откуда за ним велось наблюдение. Казалось, что юноша на улице и мужчина в комнате смотрят друг на друга. Возможно, это и так.

Возможно, каждый из них уже видел другого участника будущего события. А почему нет, если времени не существует? Тогда они уже знакомы или даже были знакомы.

Юноша тряхнул головой, как бы давая себе команду на старт, и походкой, которая с каждым шагом становилась всё твёрже и увереннее, направился в сторону дома, где и жила парочка, так внимательно наблюдающая за ним из окна.

– Наш, – довольно сказал дед, – сиди в кресле и не шуми. Я буду разговаривать с ним у порога, так что тебе всё будет слышно.

Внук вновь согласно кивнул и занял указанное ему место, погрузившись в свой любимый цифровой предмет.

Молодой человек, чей облик в первую и основную очередь характеризовался его неопрятной причёской, шёл в направлении самого высокого жилого здания в округе. Звали его Майкл Свордин. Он несколько месяцев назад переехал из заброшенного канзасского захолустья в этот город из камня и стекла с одной-единственной мыслью – заработать как можно больше денег. Или просто денег. Или не умереть с голоду. Пока, во всяком случае, он так думал, он находился именно на этой стадии. Но, как говорят, «оттолкнувшись ото дна, проще всплывать на поверхность». Именно этим он и занимался последнее время – барахтался и пытался всплыть.

Не очень успешно, но пока не готов был опустить руки. Тем более что сейчас в них был воделенный пылесос, с которым нужно было красиво расстаться.

Не то чтобы его семья бедствовала, но телевизор, который Майкл очень любил смотреть, явно указывал на то, что жить можно ещё лучше. А в их дыре это «лучше» явно не водилось. И опять же, столь любимый телик явно говорил, что достаточно просто захотеть, и деньги буквально начнут липнуть к рукам. И если их не мыть, так думал наш герой, то липнуть будут ещё лучше.

Впрочем, реальность оказалась несколько иной, или Майкл был таким неудачником? Пока этот вопрос вяло стучался из его подсознания, пытаясь выйти в лучи здравого смысла. Но делал он это вяло и поэтому быстро исчезал, как только Майкл начинал задумываться о своей нелёгкой жизни.

Город встретил его безразлично и даже как-то отстранённо. Жить приходилось в маленькой каморке то ли на границе города, то ли на краю мира, полного света, развлечений и красивых людей, которым не были знакомы печали тех, кто обеспечивал их счастье. Но ничего другого пока он позволить себе не мог, поскольку множество мест работы, где ему обещали достойную зарплату и карьерный рост, на поверку оказывались местами по «высасыванию» человеческих ресурсов, а может быть, и душ – он не мог сказать точно. Пахать нужно было практически круглосуточно, а вот платили очень и очень мало.

В ответ на робкие возмущения практически все менеджеры хлопали его по плечу и даже как-то по-отечески приобнимали, говоря:

– Пойми, Майкл, на твоё место сотни желающих. Но ты должен гордиться тем, что наша компания, процветающая и успевающая, выбрала именно тебя. И мы все вместе, единой командой, сможем добиться многого. И ты сможешь, будь уверен!

И Майкл сохранял эту уверенность ровно до момента выдачи чека за очередной период. Суммы, указанной в чеке, хватало лишь на оплату его каморки и проезд. А о еде и других радостях жизни можно было забыть. И если бы не посылки из деревни, такой богатой разносолами и простыми, но вполне питательными продуктами, он бы давно протянул ноги в этом своём «скворечнике счастья».

Майкл постепенно понял, что в таких вот местах ни роста, ни тем более денег он не увидит. Они созданы не для того, чтобы сделать счастливыми работников, а для того, чтобы хозяева были счастливы. Поняв, что им не по пути, он решил пойти на вольные хлеба, где

всё фактически зависело от него. Но что такое вольные хлеба, он не знал, пока однажды не встретился с одним из тех, с кем начинал на первом месте работы.

Это был Стивен, глуповатый на вид и определённо недалёкий мужчина средних лет, который подкатил за рулём новенького блестящего автомобиля к чёрному ходу последнего места работы Майкла. И, судя по тому, как он себя вёл за рулём, это была его машина. Сколько прошло месяцев – три, четыре? И вот теперь тот, с кем он фасовал удобрения на складе, одетый в драную спецовку, преобразился до неузнаваемости!

Впрочем, это не был «Кадилак» последней модели, а достаточно скромный, но новый «японец», но он явно был лучше того средства передвижения, которым пользовался Майкл последние месяцы, – стоптанных «Кэтсов», которые служили лишь потому, что их невозможно было износить – можно было только выбросить.

– Привет, дружище! – сказал Стивен, открыв окно, но явно не собираясь выходить из удобного кресла своей нескрываемой гордости. Видимо, решил покрасоваться своей обновкой. – Я тебя искал!

Майкл не понял, зачем он понадобился Стиву, но не стал уточнять. Майк вообще не любил много говорить – возможно, это был его недостаток на пути к вершине. Но пока он ничего не мог с этим поделать. Ну не мог он стать болтливым и разбитным парнем, особенно не имея опыта и желания к этому!

– Видишь, – Стив похлопал рукой по дверце машины, – купил!

Майк молча кивнул и стал ждать продолжения разговора. И оно не заставило себя ждать.

– Я устроился тут на одну работёнку, – с хитрым видом начал Стив, сделав над собой усилие и вытащив своё довольное тело из машины. – Как видишь, дела обстоят неплохо!

Он вновь погладил свою машину, как будто считал, что она уже начала скучать без своего хозяина.

«Странно, – подумал Майк, – мы никогда не были с ним настолько близки, чтобы он захотел меня облагодетельствовать».

Это был второй недостаток Майка – подозрительность, которую в нём воспитал дед, отработавший на местной шахте всю свою жизнь и потерявший под завалами немало своих друзей.

– Верь только себе и своему предчувствию, – говорил дед тёплыми канзасскими вечерами, когда они сидели на крыльце и смотрели на шар заходящего солнца. – Чувствуешь опасность – стой! Как бы тебя ни звали, как бы ни упрекали и ни называли курицей! Мои друзья, что лежат там, – дед постучал клюкой по дощатому полу, подразумевая землю и забои, в которых остались лежать его друзья, – тоже хорохорились. А я не шёл в завал, если что-то чуял!

– Ты что-то знал? – не понял его наставления Майк.

– Нет! – резко сказал дед и строго посмотрел в глаза внука. Он был резким и прямым, но не злым, и Майкл совершенно не пугался его громких окриков. – Я не знал! Я чувствовал – иногда страх, иногда сомнение, иногда тревогу.

И знал, что если Господу было угодно наградить меня этими ощущениями, то я должен научиться ими пользоваться. И, как видишь, вполне успешно – дожив до этих лет!

Действительно, катастрофы на шахте были делом обыденным. Все относились к этому как к чему-то естественному, как к гибели на войне или граду, который побил урожай. Но были и счастливчики, вроде деда, которые смогли прожить долгую жизнь без единой царапины. И теперь Майк знал, как он смог этого добиться.

– Так вот, – ворвался в размышления Майка голос Стивена, – я сразу подумал о тебе!

Майк вопросительно посмотрел на визитку, которую протягивал ему собеседник.

На ней красовался рисунок пылесоса и название – «ВакуКлеан инкорпорейтед».

– Зачем это мне? – уточнил Майк, с недоверием беря протянутый ему кусочек картона.

– Ты меня вообще слушал!? – возмущённо ответил Стив. – Эти ребята торгуют пылесосами, и им нужны вот такие парни, как ты и я.

– Зачем?

– Чудак-человек, – сказал Стив, приобняв Майку за плечи. Видимо, этот жест в местном мире означал высочайший уровень доверия и покровительства. – Пылесосы у них необычные – супермодные и технологичные.

Такие в магазине не купишь, и поэтому нужно показывать товар лицом, рассказывать о нём, демонстрировать, убеждать клиента в конце концов. Вот для всего этого и нужны торговые представители.

Майкл молчал, стараясь вникнуть в суть вопроса.

– Деньги платят сразу! На месте! – продолжал свою агитацию Стив. – Продал пылесос – процент твой, и у тебя в руках! Хочешь – в бар иди, хочешь – под подушкой храни.

Майк задумался – звучит заманчиво, особенно последний пункт, про деньги. И кивнул Стиву, убирая визитку в карман.

– Ты только скажи, – сказал Стив напоследок, чуть понизив голос, как бы говоря о чём-то сокровенном, – что от меня пришёл. Там желающих много, но для своих места всегда найдутся.

Он таинственно подмигнул Майку и, усевшись за руль своей уютной «Хонды», уехал в закат.

– Ты должен быть аккуратен и внимателен – к слову, жесту и даже дыханию, – сказал знакомый нам солидный дедушка, который только что наблюдал за движениями новоиспечённых коммивояжёров, обращаясь к своему внуку, – тогда всё будет так, как нужно. Люди очень чувствительны ко всем этим тонкостям, и малейшее несоответствие может сбить всю схему.

Говоря это, он раскладывал на кухонном столе какие-то бумаги, пробегая по тексту глазами, и перемещал их в разные стопки.

– У тебя должно быть в запасе несколько комплектов, – продолжал он свои наставления, – на случай, если сделаешь опisku или прольёшь кофе в процессе разговора.

– А что, – вяло уточнил внук, сидевший там, где мы его и оставили в прошлый раз, – нельзя исправить? Взял, зачеркнул и снова написал.

– Ты что! – возмутился дед. – Помарки, приписки, зачёркивания – всё это повод для отмены договора. И поверь мне, серьёзный повод.

– Ну а если человек добавит к зачёркнутому что-то вроде «написанному верить» или «исправление верно»?

– Да ты что! – дед вскинул руки, и часть бумаг разлетелась по комнате. – Ни в коем случае! Забудь про приписки и подобные фразы! Лист бумаги – чёрные буквы, и никакой отсебятины!

Внук встал с кресла и помог деду собрать бумаги.

– Не понимаю тебя, – сказал он, протягивая деду листы желтоватой бумаги, заполненные вручную мелким, но хорошо различимым почерком.

– Любые сомнения трактуются в пользу клиента, – сказал дед, всматриваясь в переданные внуком бумаги. – А значит, могут служить основанием для расторжения договора.

– Сомнения?

– Сомнение, – кивнул дед. – Наличие двух формулировок, пусть и зачёркнутых, – это сомнение. Мол, на самом деле он хотел иначе, но его заставили, запугали, задурили голову, и он поменял своё мнение.

– Но ведь это не так! – возмутился внук.

– Так, – с сожалением ответил дед. – Два – это выбор. А выбор – значит сомнение. И всё – договор псу под хвост.

– Ну и не страшно, – вольно прокомментировал внук волнения деда. – Новый заключим. Человеку всё равно будет нужно то, что мы ему дадим.

– Нет, – отрицательно покачал головой дед. – Он всё это УЖЕ получит и по расторгнутому договору ничего не должен будет делать взамен. Получается – гуляет за твой или мой счёт.

– Нечестно! – искренне возмутился внук. – Почему закон на его стороне?

– Ну, мы тоже не ангелы, – рассмеялся дед. – И нередко манипулируем людьми, вынуждая их подписать бумаги. Так что всё честно: мы манипулируем ими, а они имеют лазейку, чтобы манипулировать нами.

Внук неопределённо пожал плечами, явно не соглашаясь с паритетом в этом вопросе, а дед между тем продолжил раскладывать бумаги на столе.

Майк шёл по улице и пристально всматривался в окна дома, который ему нужно было посетить с предложением покупки пылесоса.

Нет, чётких границ и рамок никто не выставлял – где хочешь, там и продавай. Но с другой стороны, перед началом работы все дружно согласовывали районы и кварталы, где им предстояло работать. Никто не хотел нарываться на человека, которому только-только предлагали купить пылесос, – нередко клиенты были крайне возбуждены посещением предыдущего продавца. Оно и понятно: пылесос – не тот предмет, о котором хочется слушать вдохновенный рассказ, а затем покупать его за большие деньги.

– Вы продаёте не пылесос, – говорил преподаватель на курсах, – вы продаёте радость от владения, удовольствие от обладания и надежду! Вы должны верить сами и убедить покупателя, что это именно то, что ему нужно. Не важно, сколько это стоит – разве счастье и комфорт измеряются деньгами?

Майк ещё раз посмотрел на стеклянную коробку многоэтажки. Она была каким-то белым пятном на карте города, а лучше сказать – неприступной крепостью. Никто за долгое время существования «ВакуКлеан инкорпорейтед» не смог продать в ней ни одного пылесоса, и она стала легендой.

И за работу с этой легендой полагался приз – полная стоимость пылесоса. Но даже этот приз не воодушевлял сокурсников. Возможно, они что-то знали, а ему об этом было неизвестно. Поэтому когда распределяли кварталы и районы для работы, с ним никто не конкурировал и не спорил – бери на свой страх и риск.

Майк держался особняком, особо не вступая в разговоры. Что толку от болтовни о больших деньгах, когда нужны реальные деньги? Риск его не пугал. Ну а скрытность – каждый болтает в меру своего желания.

Он тронул входную дверь дома и вошёл в просторный холл. На улице стояла жара, но в холле царила комфортная прохлада.

Майк подошёл к панели лифта и нажал на кнопку.

Двери бесшумно открылись, и Майк вошёл в зеркальную кабину. Посмотрев на свой растрёпанный вид, он немного расстроился – не так должен выглядеть солидный продавец солидной компании. Но что уж? С видом ничего не поделаешь, во всяком случае пока. А вот лицо можно поправить.

Он нахмурился, улыбнулся, свёл брови, демонстрируя сосредоточенность, и, в меру довольный хотя бы этой частью своего облика, повернулся к панели лифта.

На панели лифта голубым цветом подсвечивались 12 кнопок с номерами этажей и одна кнопка с буквами РН. Майк вспомнил, о чём инструктировали его на курсах:

– Когда попадаете в многоэтажный дом, начинайте с верхних этажей. И вам будет проще спускаться вниз, и в случае неудач, а они возможны, лёгкий спуск сгладит горечь поражения. А вот подъём, который следует за поражением, только усилит его.

Майк нажал на кнопку пентхауса, и лифт бесшумно закрыл двери, начав подъём.

Холл последнего этажа почти ничем не отличался от холла первого, за исключением того, что на площадке было всего две двери. Он уже собрался нажать на кнопку ближайшей к нему массивной двустворчатой двери, как вдруг вспомнил:

– Не суйтесь в дорогие дома и дорогие квартиры. Наш потребитель – человек со средним достатком, который сидит дома. Пенсионеры, домохозяйки, бизнесмены-неудачники – все они будут дома именно в середине дня, когда вы будете устраивать обход. А в дорогих квартирах их не будет – максимум прислуга, которой вы ничего не сможете продать.

Ваша первостепенная задача – сделать так, чтобы вам открыли дверь. Ни прислуга, ни дети, которых оставили дома одни, этого не сделают. Да и они вам не нужны. Не они, а их родители – потребители нашего товара. Нет родителей – нет продаж.

Но внутренняя готовность и ещё какой-то звоночек из разряда тех, о которых говорил дед, пересилили строчки наставлений преподавателя, и Майк нажал на кнопку.

Дед закончил раскладывать бумаги на столе – теперь они лежали двумя аккуратными стопками, и положил между ними пару ручек. Одну для подписи, другую для страховки.

– Пойми, – он вновь назидательно обратился к внуку, – в нашем деле мелочей не бывает. Настрой клиента – самое главное. Как удав, который гипнотизирует кролика: чуть отвлёкся – и ушастый сбежал!

Внук кивнул, но явно без энтузиазма. Казалось, всё происходящее было для него чем-то обязательным и никому не нужным, как воскресный поход к престарелым родителям: желания нет, но обязанность существует.

– А почему ты думаешь, что это наш клиент? – поинтересовался он, потягиваясь в кресле.

– Я немного знаком с хозяином этой конторы, – сказал дед и показал рукой в сторону офиса, из которого вышли молодые коммивояжёры. – У меня с ним что-то вроде договорённости. За того, кто возьмёт этот дом в обработку, я даю ему небольшие послабления к договору.

– Так он у нас на договоре? – оживился внук.

Дед кивнул, а затем добавил:

– Я с ним познакомился лет двадцать назад, когда он бегал по штату с расчёсками и зеркалацами. Да и я был помоложе.

– Двадцать лет? – начал было фразу внук, но осекся, остановленный поднятой рукой деда.

– Запомни, – сказал он строго, – то, что написано на этих бумагах, никогда не произносится вслух.

– Почему?

– Не знаю, – на этот раз дед был менее категоричен.

– Меня учил этому отец, его – его отец и так далее. Всё, что написано на бумаге, остаётся на бумаге.

– А если клиент захочет прочитать вслух?

– Да пусть читает, сколько душе угодно! – и протянул внуку один лист.

Внук всмотрелся в текст, написанный на бумаге, и уже собрался произнести первые слова, как спазм кашля не позволил ему этого сделать. Через минуту, когда кашель стих, он вновь попытался прочитать пару фраз, но с тем же успехом.

Дед засмеялся и забрал первый лист:

– Вот так всегда: читать получается, а зачитывать – нет. Даже тебе непросто, а человеку от одной мысли становится худо.

– Уловка? – поинтересовался внук и кашлянул ещё пару раз.

– Вроде того, – подтвердил дед. – Когда что-то проговариваешь вслух, то как бы ведёшь разговор с собеседником. А значит, уже не один, а двое думают над нашим предложением.

– Но предложение ведь отличное!

– Так-то оно так, – согласился дед, – но традиция есть традиция. Да и не знаю я всех тонкостей – не приставай!

Только он произнёс эту фразу, как раздался звонок в дверь, и дед, приложив палец к губам, не спеша направился в прихожую.

Дверь открылась, и перед взором Майка предстал пожилой человек в тёмно-синем бархатном халате. На его ногах виднелись чудные золочёные туфли с загнутыми носками, напоминающие какую-то восточную обувь.

Майк представился и, не давая седовласому опомниться, выпалил как из пулемёта заученную фразу про инновационность, уникальность, качество, надёжность и другие эпитеты, смысл которых он мало понимал в контексте банального пылесоса. На курсах его учили: говори сам и говори с напором, чтобы собеседник был ошарашен и несколько растерян! А затем ты, как бы помогая ему нащупать почву, выводишь его на правильное решение. Но делай это свободно, как будто ты только что сообразил всё, что теперь говоришь. Но у Майка с свободным общением было не просто, поэтому он вызубрил всё наизусть и выпалил так, как вызубрил.

– В конце концов, это воззвание создавали профессионалы нашей компании. А значит, оно стоит того, чтобы им пользоваться, – Майк был искренне уверен в верности этого тезиса.

– Так вы продаёте пылесос? – спросил мужчина, когда Майк закончил свою речь.

Тот слегка замялся, не зная, как правильно ответить на вопрос. Но на помощь вновь пришла заученная фраза из инструкции:

– Если клиент спрашивает вас о чём-то, не обязательно отвечать на этот вопрос. Возьмите только часть вопроса и манипулируйте им, вставляя заученные фразы-слоганы.

– Я представитель компании «ВакуКлеан инкорпорейтед» и хотел бы презентовать вам наш новый продукт!

– Ага, – задумчиво кивнул собеседник и почесал за ухом. – Продаёте. А что именно?

«Никогда не говорите, что продаёте пылесос! – прозвучал в голове голос преподавателя. – Продукт, изделие, причём не просто продукт или изделие, а инновационный продукт или уникальное изделие. ИЗДЕЛИЕ, которое способно сделать жизнь лучше!»

И Майк выпалил эту фразу, но мужчина всё продолжал гнуть свою линию:

– Пылесос, – с растяжкой произнёс мужчина, – пылесос, который сможет сделать мою жизнь лучше?

Любопытно.

Что-то явно шло не так. С одной стороны, он не вдохновлялся фразами Майка. С другой – не отвергал его и не закрывал перед ним дверь. Он как будто чего-то ждал, но чего?

«Как только клиент проявит хоть чуточку интереса, сразу переходите ко второй фазе – демонстрации!» – вновь на помощь пришло высказывание преподавателя. Но не успел он перейти к этой части плана, как пожилой, перехватив инициативу, спросил:

– Может быть, хотите показать все возможности этого чудо-изделия?

И, распахнув чуть шире дверь, жестом пригласил Майка войти.

Пока тот шёл от прихожей в глубину помещения, он лихорадочно вспоминал инструкции:

– Если вы смогли войти в дом, но только на условии добровольного согласия, считайте, что 70% успеха у вас в кармане. Клиент доверяет вам – действуйте!

На негнущихся от волнения ногах Майк прошёл в комнату, совмещённую с кухней. И надо же – очень удачно, что пол этой комнаты был устлан ковром – идеальный вариант для демонстрации.

– Может быть, чаю? – поинтересовался мужчина, подходя к плите и ставя на неё чайник.

На это никаких инструкций не было, а в горле пересохло от волнения, и Майк молча кивнул.

Мужчина поставил на стол две чашки и аккуратно отодвинул стопки бумаги, лежащие на нём. Жестом пригласив Майка присесть, он спросил:

– Так что же вас привело ко мне, молодой человек?

Майк опешил. Казалось, человек не помнил того, что было пять минут назад. Для кого он задвигал все эти речи?

– Позвольте представить вам... – начал он хриплым голосом, но был прерван коротким, но убедительным жестом.

– Я не спрашиваю, что вы принесли и собираетесь мне показать. Я спрашиваю, зачем вы ко мне пришли?

Фраза звучала понятно, но в ней явно скрывалось что-то помимо того текста, который прозвучал. А седой, видя замешательство собеседника, уточнил:

– Чего вы хотите? – и вновь повторил эту фразу, чуть переиначив: – Чего на самом деле вы хотите?

Голос седого звучал спокойно и даже убаюкивающе.

Он казался добрым дедушкой, который сейчас напоит чаем и подскажет, как жить в этом нелёгком мире.

Майкл молчал. В инструкциях об этом не было сказано ни слова, а открывать душу первому встречному, пусть и вполне безобидному и обаятельному, он не хотел. Поэтому он просто молча поёрзал на стуле, размышляя над тем, что делать.

Пожилой мужчина откинулся немного назад и рассмеялся в голос.

– Что вы так смутились! Я же не спросил у вас ничего такого, о чём нельзя говорить. Например, о номере вашего банковского счёта или о том, где вы храните свои сбережения!?

Майк инстинктивно дотронулся до нагрудного кармана – все его сбережения, пара мелких бумажек, лежали именно там.

И вновь это вызвало волну смеха, но уже более спокойной тональности:

– Вот ты мне и открыл первую тайну! – собеседник наклонился к Майку и доверительно засмеялся. – Перестань!

Представь, что я твой далёкий и почти забытый дядюшка Форас. И мы просто болтаем.

Майк кивнул и немного успокоился – почему-то ему показалось, что если собеседник называет имя, то он доверяет тебе.

– Давай я тебе помогу, – перебил его «дядюшка», беря инициативу в свои руки. – Ты хочешь богатства, славы и успеха!

Майк отрицательно покачал головой, чем вызвал некоторое недоумение на лице собеседника.

– Я хочу понять, чего я могу достичь, и достичь этого, – тихим голосом ответил он.

– Интересно, – прокомментировал «дядюшка», которому было действительно интересно, – но тебе не кажется, что всё это слишком неопределённо?

Майк кивнул, соглашаясь с ним, и добавил:

– Наверное, но что проку от денег, если не знаешь, куда их потратить? Или от славы и успеха, если они приходят только вместе с признанием человека?

Теперь настала очередь Фораса взять паузу.

– Я пошёл в эту шарашку, – и Майк указал рукой на коробку с пылесосом, – прекрасно понимая, что большого проку там не будет. В самом процессе. Но я увижу людей, посмотрю на то, как кто живёт, и смогу понять, чего я стою.

Форас вышел из лёгкого оцепенения и постарался вернуть разговор на свою волну:

– Вот-вот, я и говорю: будут у тебя деньги, и они откроют перед тобой новые двери. А там и новые люди, новые возможности.

– Вы серьёзно считаете, что если я надену королевский костюм, то стану королём? – парировал Майк.

Лицо Фораса на миг стало угрюмым, и он не сдержался:

– Молодой человек, тебе нужны деньги!

Майк кивнул, и Форас просиял. Но Майк добавил:

– Мне нужны деньги за продажу вот этого пылесоса. Дальше я не думал.

– А ты подумай, подумай! – с воодушевлением сказал собеседник, вновь надевая маску заботливого дедушки, который готов был отдать последнее, лишь бы внук был счастлив. – Сейчас эти деньги, потом другие – и глядишь, выбьешься в люди.

– А зачем вы меня об этом спрашиваете? Вы хотите дать мне денег?

– Да, – загадочно ответил собеседник.

– Просто так?

– Ну, не просто, но фактически тебе это ничего не будет стоить.

Майк задумался над предложением и решил, что перед ним старый маразматик, который от скуки забавляется с ним. Но пока суть да дело, пока вскипит чайник, почему бы не подыграть?

– А сколько?

– Много!

– «Много» – это не цифра, – так говорила моя бабушка.

– Назови цифру сам! – старик развёл руками, как бы демонстрируя широту своей души и возможностей.

Майк пошептал губами, видимо что-то считая, и ответил:

– Не могу. В голове только одно – пылесос, пылесос, пылесос.

– А ты напрягись! – прокомментировал заинтересованно собеседник.

– Не могу! – почти с отчаянием ответил Майк. – Не могу переключиться!

– А если я куплю у тебя пылесос, ты сможешь перестать о нём думать?

– Думаю, да, – неуверенно ответил Майкл.

Форас засунул руку в карман халата и достал оттуда пухлый кошелек из чёрной кожи.

– Сколько он стоит? Столько хватит?

Он положил на стол пять одинаковых бумажек. Майк покачал головой, и Форас добавил ещё две. И вновь Майк отрицательно покачал головой.

– Но это же грабёж!? – возмутился Форас, на что Майк ответил:

– Инновационный, уникальный, непревзойдённый...

– Да-да, – заворчал Форас и вытряхнул всё, что было в кошельке.

Майк ловко собрал купюры и поднялся со словами:

– Позвольте поздравить вас с приобретением новейшего инновационного продукта. Наша компания надеется, что он принесёт много радости и приятных моментов от использования.

Форас поперхнулся и спросил:

– Приятных моментов от пользования пылесосом?

Майк утвердительно кивнул, и на его лице сияла улыбка.

– Хорошо, – сухо сказал Форас. – Пылесоса у тебя в голове нет. Готов продолжить разговор?

Майк кивнул утвердительно, затем, немного подумав, отрицательно покачал головой.

– Что это значит? – раздражённо спросил «дедуля».

– Теперь я думаю о том, как правильно потратить деньги, которые заработал.

– О-о-о, – Форас схватился за голову, – у тебя может быть ещё больше этих денег! В сотни, тысячи раз больше!

– Но я ещё не знаю, что сделать с этими, – сокрушённо сказал Майкл, начиная тихо пятиться к двери. – Так что над вашим вопросом я подумаю, когда закончатся эти деньги.

Он быстро развернулся и вышел, следуя ещё одному правилу, которому его научили на курсах: продал – раскланялся и домой! Не дай клиенту опомниться и пожалеть о покупке!

Когда входная дверь закрылась, со стороны кресла, где сидел внук, раздался вопрос:

– Дедушка, а чему именно я должен был научиться?

Дедушка стоял посреди комнаты, в ярости сжимая кулаки. Его глаза начали наливаться кровью, а затем начал меняться облик. Выглядело это так, будто внутренняя ярость, которая пока ещё не нашла своего выхода, меняет человека изнутри.

Форас подрос раза в полтора и раздался в плечах.

Теперь его человеческая кожа была покрыта жёсткой щетиной, а вместо головы виднелось нечто, напоминающее голову быка, только с человеческими чертами. Кожа стала жёсткой, окрасившись в бордовый цвет.

Он повернулся в сторону кресла, где мгновение назад сидел внук, и вдруг кресло буквально взорвалось, рассыпав по округе куски обивки и дерева.

Дед взревел, а внук, который уже занял место неподалёку, на соседнем кресле, ещё не попавшем под раздачу, наблюдал за происходящим.

– Реванш! – взревел дед и сказал в сторону внука: – Собирайся, вечером у нас выездное мероприятие!

Затем, глубоко вдохнув и выдохнув, стараясь обрести контроль, добавил:

– Либо это уникальный молодой человек и он мне просто не по зубам, либо я старею, и меня может провести любой посредственный коммивояжёр. В любом случае я должен понять, что происходит!

2 глава. Могила

В вечернем сумраке, под светом убывающей луны, подгибаясь к земле, как будто опасаясь, что её кто-то заметит, брела по кладбищу девушка в чёрном одеянии. Она двигалась неуверенно и робко, и казалось, боится даже шороха. Но всё это обманчивое впечатление:

– Чёрт меня дёрнул пойти в ведьмы, – ворчала она себе под нос, проходя через ряды могил. – Могла бы стать медсестрой или учительницей. Нет, надо было выпендриться!

Вот теперь, вместо танцев и прогулок под луной, меня ждут танцы с покойниками на могилах.

Она споткнулась и чуть не упала, рассыпав при этом беззвучные проклятия на всех, кто виновен и не виновен в этом.

– И это дурацкое платье, – девушка остановилась и поправила подол длинного, доходящего до земли платья, – кто придумал все эти наряды? В гробу удобно – не поддувает и не сквозит. Но попробуй походить в этом в лесу или среди могил, и сразу понимаешь, что штаны были бы гораздо практичнее.

Где-то вдалеке прогудел филин, и девушка замолчала, замедлив ход и всматриваясь в надписи. Затем продолжила свой критический спич:

– Вот скажи мне, Мэгги, – она достала из кармана фотографии и посмотрела на верхнее фото, где была изображена миловидная девушка, – зачем тебе нужен этот Стив? Ни рожи, ни кожи. Из достоинств – коллекция прыщей и винтажные очки!

Это она разговаривала уже с другой фотографией, на которой был запечатлён стеснительный сублильный юноша с множеством подростковых прыщей на лице.

– И главное, местная звезда, – продолжила она возмущение, достав третье фото с не менее симпатичным лицом молодой девушки, – прямо краса округи! И одна за тебя горой, и другая за тебя! Может, и мне влюбиться в него за компанию?

На этом слове она опять чуть не растянулась на лопате, которую забыл поперёк дороги какой-то неряшливый рабочий.

Она уже собралась проклясть и его, и его род до третьего колена, а заодно канарейку и двух морских свинок, которых он содержал, как в голове возник суровый образ наставницы и вспомнился инструктаж:

– Верба, ты вольна делать всё, что тебе хочется, – строго говорила наставница, пристально смотря девушке в глаза, – но делать ты это должна по правилам! Вот, к примеру, наступили тебе на ногу. Что ты будешь делать?

– Скажу: чтобы у тебя ноги отсохли, а затем прибью гвоздями след – пусть мучается! – ни секунды не сомневаясь, выпалила молодая ведьма.

– Неправильно, – резко сказала наставница. – Вначале дай возможность человеку извиниться. Может, он не со зла, а по глупости или неаккуратности. Ну а если молчит, скажи про себя: спасибо тебе, добрый человек, что позволяешь мне сеять доброе и вечное. Чем больше вы, грубияны, страдаете, тем добрым людям приятнее. Ну а потом уже и проклинай на здоровье!

– Не понимаю, – фыркнула Верба, – к чему всё это нужно! Зачем раскланиваться перед каким-то человечешкой?

Только время тратить – всё равно они умнее не станут.

– А к тому, – строго сказала наставница, – что если ты сделаешь это из злости или из корысти, то виновата будешь ты, что жизнь человеку испортила. А вот если скажешь так, как я тебе велю, что сделала это в назидание грубияну, в помощь обездоленным или слабым, что не могут сами постоять за себя, то ты уже сделала полезное дело. Сделала из благодарности, в науку и назидание. Стала кем-то вроде проводника воздаяния, а не его инициатором.

– А перед кем я должна оправдываться? – не унималась девушка, опуская причинно-следственный механизм, который описала наставница. – Есть он, есть я – кто с меня что спросит?

– Потерпи, скоро узнаешь, перед кем ты будешь отвечать, да почему ОН не только спросит, но и накажет, если будет за что.

Фигура молодой ведьмы была не единственной на тёмном кладбищенском погосте. С другой стороны кладбища в него зашли две уже знакомые нам персоны – дед и внук, которые уверенно продвигались вглубь, точно зная цель своего вояжа.

– Дед, что мы здесь забыли? – шёпотом спросил внук в спину деда. Тот шёл крайне сосредоточенный и целеустремлённый.

– Это рабочее кладбище, – сказал дед, остановившись среди могил и проводя вокруг себя рукой, – на нём работают местные колдуны и ведьмы.

– А нам-то что с этого? Пусть колдуют!

– Бестолочь! Вот скажи, на кого я дело оставляю, когда на пенсию выйду? Или ты за мной горшок носить будешь и кашкой кормить?

Неожиданно внук засмеялся.

– Я прекрасно знаю, что горшок тебе без надобности. И кашу ты не ешь.

– А уважение, уважение!

– А при чём здесь каша?

Дед недовольно плюнул под ноги, явно раздражённый непониманием внука, и буркнул: ни при чём!

Дед был явно раздражён. Но не только тем, что случилось не так давно, а ещё и тем, что ему пришлось прийти на кладбище. Это не то место, которое посещают представители его расы – оно высасывает силы, потихоньку, незаметно. Оно вносит умиротворение и спокойствие, не присущее им. В конце концов, оно, как тихий омут, может затянуть, и не заметишь, как лежишь под могильным крестом, укрывшись одеялом из опавших листьев, и думаешь о чём-то вечном. Так сгинуло немало народа, пока разобралось, что обманчивая тишина и покой – не часть этого мира, а уже часть того, в который обычно никто не спешит попасть.

– Дед, ты хоть поясни, чего мы ищем! – голос внука, молодость которого работала как защитный барьер от тишины и покоя, раздражал, но, как чашка хорошего кофе, приносил бодрость и повышал концентрацию – на какое-то время.

– Не чего, а кого, – дед ещё раз остановился и прислушался. – Тех, кто работает на кладбище по ночам.

Внук молчал, то ли ожидая продолжения рассказа, то ли из вежливости. А может, и из-за опасения, памятуя участь кресла.

– Представь: вместо того чтобы спать дома в тёплой кровати, человек тащится на кладбище и что-то там делает.

Кто он?

– Он – странный человек.

Дед уже хотел выдать очередную порцию критики, но, видимо, уловил в этой фразе определённый смысл и дополнил её:

– Верно – странный. А ещё либо очень увлечённый своим делом, либо отчаявшийся, раз пустился в такую авантюру. В любом случае он может оказаться тем, кто нам нужен. Бумаги не забыл?

Внук показал кожаную папку, которую нёс собой под мышкой, чем успокоил деда.

– А как мы всё это организуем? В смысле практически – вот так вот подойдём и спросим: мол, не желаете ли чудес чудесных?

Дед злобно зыркнул на него и прошипел:

– Будем думать по ситуации. Подглядим вначале – посмотрим, что делает, как получается. Эти ребята не так просты, как может показаться. С ними нужно тоньше, осторожнее.

– Да, это точно. Второй пылесос нам не нужен, – сказал внук и вовремя пригнулся – дед собирался заехать ему в ухо, но промахнулся и кулаком разбил гранитный памятник.

Наконец Верба нашла нужную могилу и приступила к подготовке обряда.

Девушка зажгла небольшую свечу в качестве дополнительного освещения к свету луны и стала расставлять фотографии, проговаривая свои действия вслух.

– Тот, кто слева, уходит от тебя, – и она поставила фото одного из молодых людей слева от центральной фотографии, на которой была изображена девушка. – Справа – тот, кто придёт к тебе.

И поставила справа от фотографии девушки фото второго молодого человека.

Из-за спины она сняла небольшой серый рюкзак с чёрным вышитым крестом и начала из него доставать то, что ей понадобится для обряда.

– Чаша, травы, свечи, кинжал, кровь, – перечисляла она, выкладывая ингредиенты на могилу.

Как бы в подтверждение её слов неподалёку каркнул ворон, и девушка, как бы поняв своего незримого собеседника, утвердительно кивнула головой.

Когда всё стояло на могиле, как на алтарном столике, Верба задумалась: всё ли она подготовила, и вспомнила слова наставницы:

– Не важно, что у тебя есть для обряда, и не важно, помнишь ли ты схему. Ты решила создать иную реальность взамен той, что сейчас перед тобой. А значит, нужно учитывать факт творчества, случая и ошибки.

Верба помнила, как она эхом повторила эти три последних слова, на что наставница дала уточнение:

– Творчество – это твоё чутьё, которое подсказывает тебе, как лучше сделать. План – дело хорошее, но обычно он не исполняется так, как ты представляешь. А значит, ты в любой момент должна быть готова к экспромту для того, чтобы сделать или даже спасти обряд.

– Случай – это планы вселенной, которые у неё есть на этот счёт. И когда ты начинаешь свои действия, ты точно должна понимать, что и у вселенной есть своя воля. А значит, придётся искать компромисс – для этого как раз и пригодится творчество.

– И наконец, ошибка – твоя ошибка. Если что-то пойдёт не так, то это не значит, что это неправильно.

Неправильно для тебя, но не неправильно в целом. Не бойся ошибки – именно она является той волей, которую нам приходится учитывать несмотря ни на что.

Верба помнила, что не очень довольна таким положением дел. Ей всегда казалось, что ведьма – а она точно знала, что она ведьма, – имеет право на всё, что посчитает правильным, если дело заходит о творении, или неправильным, если это нужно разрушить. Но почему-то нередко оказывалось, что такое же право есть и у других персон, даже не обладающих магическими способностями.

Это ставило в тупик и заставляло стараться ещё больше, чтобы обрести ту силу, которая станет решающей.

Девушка вновь резко кивнула головой, возвращая сосредоточение на обряде. Она зажгла по одной свече перед каждой фотографией и начала тихо читать заклинание. Затем взяла левое фото и расположила его над чашей, в которой уже дымились колдовские травы.

– Уйди, покинь, забудь, пропади с глаз моих, – доносились её слова в тишине кладбища. И казалось, что её слышат только надгробия да деревья, тихо шелестевшие в ночи. Но это было не так – неподалёку, за высоким памятником, притаились две фигуры, внимание которых было приковано к тому, что делает девушка.

– Ведьма, – констатировала одна фигура, в которой без труда узнавался знакомый нам дед, – колдует.

– Ведьма, – эхом повторил другой голос, принадлежащий внуку, – колдует.

И затем добавил:

– И из вещей у неё лишь маленький рюкзачок. Пылесоса нет.

Дед злобно зыркнул на него, и внук вжал голову в плечи, но под нос себе добавил:

– Маленький рюкзачок – не большой пылесос. Проще будет нести домой, если что.

Несмотря на свой юный возраст и видимый инфантилизм, внук обладал цепким умом, критическим мышлением и толикой мстительности. И дед всё это знал и знал о том, что образ пылесоса – символ ошибки деда – будет всплывать снова и снова. Не со зла – просто это видимый крючок, за который дергают для того, чтобы сохранять зависимость, а ещё для того, чтобы проверять, не свалилась ли жертва с этого самого крючка. И это умение было не навыком, не знанием – это была часть природы, с которой, как говорят, не поспоришь.

Между тем ведьма резко встала и, оставив свечи гореть, направилась куда-то от могилы вглубь кладбища.

– Куда это она? – с удивлением спросил внук.

– Фотографию закапывать, – уточнил дед, привставая из-за памятника. – Сейчас закопает и вернётся.

– Зачем?

– Зачем закопает или зачем вернётся?

Внук слегка растерялся. В его понимании только один вопрос был актуален – зачем закапывать фото. А зачем возвращаться – это же очевидно: она оставила вещи, значит, их нужно забрать. Да и свечи горят, а значит, обряд не завершён.

– Это перенос, – уточнил дед, высматривая место, куда можно было переместиться из нынешнего укрытия. – Фотография связана с душой человека. И если её правильно закопать, то душа начинает стремиться на кладбище – к смерти.

– То есть это такой способ угробить человека? – уточнил внук, на что дед отрицательно покачал головой и добавил:

– Угробить – нет. Но человек становится вялым, инфантильным, подавленным. Как человек, который скорбит по кому-то близкому в связи со смертью. В конце концов он начинает ощущать всю брэнность бытия и перестаёт менять свою жизнь – тихо плывёт, ожидая, что рано или поздно всё закончится.

– А смысл?

– Я понимаю, – с некоторым раздражением ответил дед, – что в твоём телефоне много интересных вещей. Но в реальности их не меньше!

Внук непонимающе смотрел на деда.

– А значит, нужно включать голову и думать, искать ответы, собирать информацию! Само-му!

– Так я и думаю, – обиженно продекламировал внук, – но откуда мне знать, что делают ведьмы на кладбище?

– А книгу почитать не судьба? – продолжил шипеть дед. – Которую я тебе дал? И не одну!

Лицо внука страдальчески скривилось, и он ответил:

– А у тебя нет, скажем, аудиокниги или видеоролика? Мне так привычнее.

Дед еле сдерживался и уже хотел излить свою ярость на голову непутевому отпрыску, но вовремя заметил, что ведьма возвращается. Пока она была далеко, у них сохранялся шанс перебраться поближе.

Он молча указал на надгробие, что было в нескольких метрах от могилы, на которой работала ведьма, и, низко пригибаясь, направился в ту сторону. Внук, пригибаясь к земле, засеменил следом.

– Что-то не идёт! – думала Верба, возвращаясь на могилу. – Что-то явно не так. Не те ощущения, не тот настрой.

В руках у неё было пусто – первую фотографию она закопала, но чувство беспокойства и неуверенности не покидало её.

– Ведьма должна быть полностью уверена в том, что говорит, и что делает! – всегда говорила ей наставница. – Даже когда не права или когда несёт полную чушь!

– Почему? – тогда Верба искренне не понимала того, о чём говорила наставница. – Не лучше ли успокоиться, разобраться, понять, что происходит?

– Вселенная ждать не будет – каждый миг в ней что-то меняется. И пока ты будешь думать над настоящим, оно уже станет прошлым. А настоящее вновь задаст тебе вопросы.

И получится, ты всё время будешь опаздывать. Ты будешь искать ответы, но все они будут приходить вчера – поздно и не вовремя. В итоге ты будешь топтаться на месте и превратишься в одну из тех книжниц, которые прочитали сотни и даже тысячи книг по кулинарии, но не в состоянии даже пожарить яичницу.

Уверенность – это твой остров в меняющейся вселенной, на котором ты всегда чувствуешь себя уверенно. И если такого острова нет, то тебя просто будет носить по ветру, как осенний лист. И тогда из ведьмы ты превращаешься в человека, который живёт по воле случая и подвластен всему, что сильнее его.

Верба присела на корточки перед могилой.

– Итак, соберись! – всё уже начато, и нужно продолжать, – сказала она себе и вновь насыпала трав в чашу – предыдущие уже прогорели. Да и для этой части обряда требовался новый набор компонентов.

Взяв в руки обе оставшиеся фотографии, она переместила их поближе к чаше. Но тревога усиливалась, и она встала над могилой.

– Нет, – подумала она, – что-то здесь не так. Не в обряде. ЗДЕСЬ что-то не так.

Девушка медленно начала вращаться по часовой стрелке, всматриваясь, а вернее, стремясь ощутить всё то, что происходит вокруг.

Кладбище как кладбище – она работала на нём не раз. Но что-то явно было не так. Может быть, на днях похоронили кого-то из самоубийц? Они сильно меняют энергетику места. Не случайно раньше их хоронили за границами «святой земли». Но прошло время, и люди забыли об этом правиле.

– Нет, – Верба прислушалась к своему ощущению, – не самоубийца. Да и если бы это был он, то давно бы пришёл пообщаться. Они такие, как потерянные или брошенные дети, – ходят, бродят среди могил. Ищали спасения, а в результате упали ещё глубже. По-человечески их можно понять. Но Закон говорит об обратном.

– Запомни, девочка, – слова наставницы всегда приходили ей на помощь, – ты можешь быть не согласна с Законом, ты можешь не любить Закон, ты можешь иметь своё мнение по каждому вопросу. Но всё это вместе взятое не способно изменить Закон. Только механизмы новой реальности могут исправить ошибки прежней. А твоё, впрочем, как и моё, мнение не столь важно.

– Получается, что мы ничего не можем изменить? – не поняла её тогда девушка.

– Я этого не сказала! Я сказала, что для того чтобы изменить одну реальность, нужно создать другую. А вот оценивать прежнюю не имеет смысла – ты только сильнее погружаешь себя в противоречивый спор с тем, кто ни о чём с тобой не спорит. Он – Закон. Факт, который нужно принять. И если факт тебе не по душе – подумай, что ты можешь сделать, чтобы его исправить. Создай новый факт и не трогай старый.

Тогда старое признает новое и это новое станет той реальностью к которой ты стремишься.

Пока Верба вспоминала слова наставницы, она не переставала изучать кладбище, и буквально в нескольких шагах, за высокой надгробной плитой, заметила тени, которых здесь быть не должно.

– Кто здесь? Покажись! – громко сказала девушка, полностью уверенная в том, что за могилой кто-то прячется.

– Вот говорил тебе: тише, – зашипел дед на внука. – Шуршишь как кот на сеновале.

Внук виновато пожал плечами, а дед встал из-за надгробья, демонстрируя, что от него не исходит никакой опасности.

– Кто ты? – спросила девушка, увидев фигуру, которая появилась именно из того места, откуда исходила тревога.

– Ты можешь меня не бояться – я старый пожилой человек! – ответила фигура.

– Старый пожилой человек, который ночью бродит по кладбищу и подглядывает за ведьмами? – уточнила девушка.

«Да, – подумал дед, – этой палец в рот не клади». Но вслух сказал:

– У каждого свои интересы в этом месте. У тебя одни, у меня другие. И это не делает нас угрозой друг для друга.

Напротив, мы можем быть полезны друг другу.

– И чем ты можешь быть полезен мне? Пока от твоего присутствия только один дискомфорт – ты явно мешаешь моему делу.

– Я подойду чуть ближе? – спросил дед и, только после того как получил молчаливый кивок от ведьмы, сделал несколько шагов вперёд. Внук так и остался сидеть за камнем – может, оно и к лучшему.

– Я не мешаю тебе, – сказал он, подойдя так, чтобы она могла видеть его лицо. Пожилой человек с седыми волосами – идеальный образ мудрости и безопасности. Во всяком случае, большинство людей считало именно так: раз старый, значит, мудрый. А седой – значит, уже не так много сил. Что может сделать старик? В твоих неудачах можно винить кого угодно, но только не меня.

– В каких неудачах? – не поняла девушка.

– В том, что у тебя не выходит обряд, – сказал дед и указал на могилу, где всё ещё горели свечи. – Ты неверно собрала композицию. У тебя не хватает сил оторвать одного и притянуть другого.

– Ты колдун? – с некоторым сомнением спросила девушка.

– В некотором роде, – уклончиво ответил дед. – Во всяком случае, в этих вопросах я разбираюсь неплохо.

Он сделал ещё пару шагов в сторону девушки, и свечи, до этого времени горевшие спокойно, стали гореть ярче в несколько раз.

– Видишь, – указал он рукой на свечи, – тебе просто не хватает личной силы, чтобы сделать задуманное.

– Возможно, – Стефания покачала головой. Она знала, что не настолько сильна. Во всяком случае, не так, как была сильна наставница. Но та ей всегда говорила: сила – дело наживное. Чем больше работаешь, тем сильнее становишься. И если бы сила была главным козырем в нашем ремесле, то среди нас были бы одни грузчики да штангисты.

А ещё, как спасательный круг, в голове всплыло другое наставление, которое она получила от наставницы:

– Не позволяй никому оценивать ни себя, ни свою работу! Хорошо ты сделала или плохо, сильная ты или слабая – со всем этим ты разберёшься сама. Но если ты позволишь это сделать даже мне, то постепенно утратишь возможность оценивать происходящее – тебе всегда будет нужен тот, кто скажет «хорошая девочка» или «плохая». Ты попадёшь в зависимость. Бойся этого!

– Тебе нужен кто-то, кто даст тебе эту силу, чтобы ты смогла сделать больше и лучше! – между тем продолжал вещать дедушка.

– «Добрый молодец», – с некоторой долей иронии и издевкой произнесла Верба так, как ей казалось сказала бы наставница. – А с чего это ты решил, что можешь вмешиваться в чужие дела? Тебя звали? Или спрашивали совета? Я в состоянии понять, что мне нужно, и главное – где или у кого это нужное я могу взять.

Дед понял, что где-то передал. Не любил он общаться с ведьмами – проще шуку голыми руками поймать, чем убедить в чём-то ведьму, которая не хочет, чтобы её убеждали.

– Ну что ты! – засмеялся дед и развёл руками, из-за чего свечи перестали так ярко гореть и вновь вернулись к своему первоначальному состоянию. – У меня откуда сила?

Она у тебя! Её просто нужно разбудить.

Верба согласилась. Наставница тоже всегда говорила, что сила – понятие внутреннее и только сама ведьма может управлять ею. Слова словами, но всё это не меняет ситуации – а ситуация была совершенно непонятна.

– Дед, – несколько фамильярно спросила девушка, продолжая восстанавливать личные границы за счёт подавления оппонента, – тебе зачем это нужно.

– Мне? – искренне удивился дед. – Мне не нужно – тебе нужно. Разве не так?

– Допустим.

– Ладно, – махнул рукой дед и собрался уходить. – Тебе нужно обряд доделать. Не важно, получится или нет, доделать нужно. Не будешь же ты рисковать своей репутацией ведьмы, которая не доводит дело до конца и не справляется с задачей?

«Сомнение – страшная сила, – подумал дед. – Оно способно разрушать огромные замки и заставлять самых сильных людей искать помощи и поддержки у кого угодно. А ещё тщеславие, гордыня – приправы, от которых даже самое пресное блюдо-событие приобретает уникальный вкус!»

– Подожди! – остановила его девушка. – Откуда мне знать, что ты меня не обманываешь? И что ты хочешь взамен?

– Тебе нужны ответы на оба вопроса? – спросил дед, не двигаясь с места. – Время идёт, обряд стоит, и скоро его действие будет не изменить.

Стефания с сомнением посмотрела на свечи и сказала:

– Важно всё, но в первую очередь дело. Мне нужно закончить дело, и тогда мы поговорим.

– А сил хватит?

– Если не тратить время на разговоры с тобой – возможно.

– Возможно, но не очевидно. Может, стоит поговорить о силе, прежде чем возвращаться к делу.

– Не могу, – категорично ответила девушка. – Это два разных вопроса. Меня учили: разберись с насущным и только тогда начинай думать о будущем.

– Но если ты потерпишь неудачу? – поинтересовался дед с некоторым волнением в голосе. Он явно нащупал слабинку в сомнении и теперь пытался расширить плацдарм.

– Значит, буду думать над неудачей и исправлять! – девушка твёрдо ответила и развернулась к обряду.

– Но если ты решишь проблему, то переделывать и исправлять ничего не придётся. По времени всё так же, как с исправлением, а вот результат тебя сможет удивить!

Девушка не отвечала, стоя спиной к деду и возвращая концентрацию на схеме обряда. Дед понял, что нужно идти ва-банк, поскольку, несмотря на то, что она не приняла его помощь, она и не отвергла – а это аргумент, с которым трудно будет спорить в будущем.

– Тогда подвинься, – дед подошёл к могиле и распростёр руки над фотографиями. Свечи загорелись как два факела, стремясь добраться до его рук.

Он постоял так пару секунд и взял две фотографии в руки, сжав их между ладонями. Затем, через мгновение, передал девушке уже одно фото, на котором молодой человек и его избранница стояли рядом.

– Держи, – довольно сказал дед и добавил: – Вот что значит сила. Поняла?

Девушка молча кивнула и присела на корточки, убирая фотографию в рюкзак. Но вместе с тем она что-то достала из него – что-то небольшое, коричневое, похожее на монетку.

Резким движением она переломила этот предмет и бросила на землю.

Из места, куда упал предмет, поднялся столб дыма, и возникла белая прозрачная фигура, напоминающая привидение. Это была высокая пожилая женщина в длинных развевающихся одеждах. Быстро осмотрев собравшихся, она громко и зычно произнесла:

– Демон!!!

Дед присел, явно потеряв уверенность в себе и своей силе. А фигура между тем продолжала:

– Что ты забыл на чужой земле?

Дед собрался было ответить, но, судя по всему, его комментарии мало кого интересовали:

– Силой торгуешь? Права не имеешь!

– Позвольте, – дед всё же решил вставить свои соображения на этот счёт, – всё на добровольных началах.

Призрак ведьмы увеличился в размерах в два раза и навис над демоном.

– Ты сам покинешь это место, на добровольных началах, или мне тебе помочь?

Дед вжал голову в плечи, но затем, словно вспомнив, кто он на самом деле, начал преобразоваться, меняя свой нынешний облик. Перед нами возникла уже известная фигура человека-быка с налитыми кровью глазами и дымом, идущим из ноздрей. По размерам он стремился к образу ведьмы, но явно не дотягивал, так и остановившись в своём росте, едва добравшись до её плеча. Пришлось общаться снизу вверх.

– Я Форас, – взревела фигура. Но прежде чем он добавил ещё слово, призрак ведьмы щёлкнул пальцами, и фигура исчезла:

– Да хоть контрабас, – добавил призрак. – Моя земля – мои правила!

– Там ещё один, – указала девушка на надгробие, за которым прятался внук.

Внук, понимая, что дело дрянь, скромно вышел из-за могилы, держа в обеих руках папку с документами и как бы защищаясь ей.

– Я приношу свои извинения за недоразумение и прошу позволить мне покинуть это место, – сказал он тихим голосом.

Ведьмы кивнули, и внук, ускоряясь с каждым шагом, скрылся за могилами.

Призрак повернулся к девушке и сказал:

– Молодец, ты всё верно сделала. Обыграть демона – для этого нужна сила.

В свете луны было видно, что девушка покраснела от похвалы и радостно заулыбалась.

– Я, вообще-то, не стремилась, – скромно сказала ведьмочка, – но когда он начал распускать хвост и говорить о могуществе, то подумала: а почему бы и нет? Если вселенная даёт такую возможность, то стоит ей поверить – согласиться, не теряя контроля.

Бледная фигура наставницы молча кивнула в знак согласия и начала растворяться, возвращая реальности первоначальный вид.

– Чёрты что происходит в этом мире, – недовольно сказал дед, когда они с внуком вернулись домой. – Какие-то новые правила, новая реальность!

Внук уселся в своё любимое кресло, которое вечером привезли из магазина и которое выглядело точно так же, как то, которое дед утром разобрал на запчасти. Но телефон не трогал – явно находился в том же недоумении, что и дед.

– Я так понимаю, что-то пошло не так? – уточнил он.

– Ты правильно понимаешь! – огрызнулся дед.

– А с другой стороны, всё могло быть и хуже, – сказал внук, смотря на коробку с пылесосом.

Дед поймал его взгляд и уже собрался уничтожить очередное кресло, но поймал себя на этой мысли и передумал.

– Мне нужно подумать, – сказал он внуку и направился в библиотеку, по ходу пнув коробку с этим символом позора.

3 глава. Акции

Через несколько часов дед с деловым видом вышел из комнаты. В руках у него был смартфон. Видя это, внук крайне оживился такому преображению – до недавнего времени дед был крайне консервативен и всё, что содержало микросхемы или аккумуляторы, обходил стороной. Но на этот раз, видимо, ему было не до соблюдения им же прописанных норм.

– Собирайся, это наш шанс! – сказал он радостно, показывая на экран устройства. К слову – последняя модель, которая только-только поступила в продажу. Интересно, откуда она у него?

– Что за шанс?

– Я обзвонил близлежащих соплеменников, – и, видя иронию в глазах внука, добавил: – Да, обзвонил – на ногах я бы пробежал не один день, пока всех навестил. Так вот – есть отличный вариант. Созреет буквально с минуты на минуту. Правда, пришлось пойти на некоторые уступки. Но это мелочи.

– Дед, – сказал внук, не спеша вставать с кресла, – а тебе не кажется, что ты слишком загоняешься во всей этой ситуации?

– Загоняешься, – дед возмущённо воскликнул, – загоняешься! Ты знаешь, что завтра – конец квартала, и ты знаешь, что будет?

Внук отрицательно покачал головой.

– Если до завтра я не предоставлю хотя бы один контракт, то послезавтра в эту дверь, – он указал на входную дверь, – или в окно войдёт ревизор с проверкой. И если её результаты покажутся ему неудовлетворительными – а они ему покажутся, – то мы немедленно вернёмся домой. Ты хочешь домой?

Внук поёжился, всем своим видом демонстрируя, что домой он не хочет.

– Вот то-то, – мне-то терять нечего – мне до пенсии один шаг. Но если мой преемник будет не готов к этому времени, то на наше место пришлют других. Знаешь, какая в аду очередь на это место?

Внук не знал, но проникся волнением деда.

– Документы брать?

– Непременно. А ещё возьми бутылочку старого виски. Они, бизнесмены, предпочитают его больше других.

И уже на выходе, осматривая квартиру перед уходом, спросил:

– А тебе не кажется, что всё как-то неуклюже? Не так, как обычно.

Внук пожал плечами, не зная, что сказать. Не с его опытом давать оценки происходящему.

– Впрочем, всё это напускное. Сейчас обделаем дело и потом уже будем смотреть, что кажется, а что мерещится.

И шагнул за порог.

Стивен Донахью сидел в своём кабинете на последнем этаже небоскрёба, в своём роскошном офисе. А где, скажите на милость, должен сидеть один из богатейших людей города, как не на самой вершине – как в прямом, так и в переносном смысле этого слова?

Сидел и бессмысленно смотрел перед собой. Из угла доносились звуки проигрывателя – пел Синатра своим убаюкивающим голосом. Раньше это приносило спокойствие и умиротворение. Но сейчас даже как-то раздражало, и, не имея сил встать с места, Стив ждал, пока пластинка доиграет до конца и услужливый механизм прекратит эту нервотрепку.

Но то, что раньше пролетало незаметно, сейчас тянулось целую вечность.

Стив посмотрел на золотые часы, украшенные чёрными бриллиантами, и отметил, что с момента поступления новостей прошло не более десяти минут. Десять минут...

Пятнадцать минут назад он был миллиардером, у ног которого лежал весь мир. А теперь, когда акции обвалились, он стал не просто нищим, у которого ни гроша в кармане. У него в кармане был минус – минус несколько миллиардов!

Эдакая чёрная дыра, которая буквально высасывала из него жизнь, не давая никаких шансов на будущее.

Сын сенатора, он быстро сколотил своё состояние – там купил акции, тут продал. Благо первоначальный капитал имелся в наличии, а советы родственников были весьма и весьма продуктивными. Он никогда ничего не делал своими руками – на всё были слуги, помощники, исполнители.

Деньги решали всё. А если не решали деньги, то решали очень большие деньги. Эта схема работала всегда и везде. Обычно нужно было просто достать пачку денег, и тебе сыпалось множество предложений от менее удачливых и более голодных, которые готовы были сделать за тебя всю работу, даже чёрную.

– Пойми, сынок, – наставлял его отец, – в мире много людей, которые не ценят себя. Но ты, если оценишь их талант, можешь купить его по дешёвке. Ищи пользу от любого, кто находится рядом, и не стесняйся использовать!

Большинство даже не могут понять, что ими только что вытерли пол, по которому ты идёшь к своему трону!

И Стив так делал. Вначале в школе, покупая одноклассников-ботаников и учителей, получая нужные оценки. Причём, как оказалось, учителей покупать было проще и выгоднее – им всегда чего-то не хватало и всегда казалось, что их труд не получает должного вознаграждения.

Достаточно было «упаковать» взятку в бумагу благодарности за их нелёгкий труд и огромный вклад в его, Стивена, образование, как они с лёгкостью брали и подарки, и пухлые конверты. Это были не взятки и не платежи – это была благодарность и признание, выраженные вот в такой простой форме.

Впрочем, был один крепкий орешек, который не вёлся на всю эту чепуху, о чём он как-то раз сказал отцу, на что тот ответил:

– Нет такого человека, которого нельзя было бы купить. Но не рассматривай слово «купить» прямолинейно – это не только деньги, но и то, чего он не может себе позволить, но можешь позволить себе ты. Возможность всегда стоит над деньгами – ищи то, в чём у него нет возможности, и попробуй помочь её обрести. Это сложнее, чем выписать чек, но гораздо интереснее.

И Стив начал копать и сделал это крайне профессионально. Во всяком случае, для подростка двенадцати лет это было верхом изворотливости. Он выяснил всё об «Орешке-преподавателе» у своих аффилированных учителей и прирученных ботаников, у садовника и охранников школы. И наконец нанял частного детектива – информация от которого стала вишенкой на торте расследования.

Теперь он знал об учителе больше, чем тот знал о себе.

А главное, он знал, какой валютой с ним нужно расплатиться...

Синатра закончил исполнять свой очередной шедевр, и проигрыватель шикнул, выведя Стива из состояния ностальгических воспоминаний.

– Детство закончилось, ты стал взрослым – вырос и стал выше. Но помни, что в детстве ты падал с небольшой высоты. И то твоей заднице было больно. А теперь высота приличнее, так что задница может и не выдержать – береги её! – вспомнились слова отца, который, хоть и не уделял ему достаточно времени – во всяком случае, так казалось в детстве, – всё же дал Стиву массу бесценных советов, без которых он бы не был тем, кем является сейчас. Он всегда

появлялся в тот момент, когда был действительно нужен – словом, кивком головы, кашлем, он ставил на место то, что разваливалось и рассыпалось. Казалось, он был волшебником, которого слушался весь мир, и Стив очень гордился своим отцом.

И тут Стив осекся в своей мысли: не является, а являлся. Теперь Стив был волшебником, мир которого рушился на глазах и никто кроме него не мог остановить это.

А мог ли он?

В дверь постучали, и после окрика «войдите» в комнату вошли два человека, которых Стивен никогда не видел. Один из них – пожилой человек в дорогом костюме, быстро огляделся по сторонам и уверенным шагом, которого не ожидаешь от джентльмена столь почтенных лет, направился в сторону стола, где сидел Стивен. Второй, молодой человек, почти юнец, так и остался стоять у двери, видимо ожидая команды своего спутника.

– Позвольте представиться, – сказал пожилой человек, подходя к столу и протягивая руку, – Бенджамин Форас.

Стив пожал протянутую ему руку и молча указал на кресло перед столом. Если эта парочка прошла через несколько колец охраны и пробралась через секретаря, значит, с ними можно было иметь дело.

Когда пожилой джентльмен удобно устроился перед ним, он так же молча, одними глазами, задал вопрос о цели визита.

Выглядело это не совсем учтиво, но ранних лет Стивен понял, в том числе и со слов отца, что все эти правила, этикет и иные «культурные танцы» – всё это придумано, чтобы как можно крепче держать тех, кто не разобрался в этом вопросе. Достаточно упрекнуть человека в нарушении этикета – и вот он уже взволнован, растерян и готов загладить вину. Тут-то его можно брать тёпленьким.

Ну а если он всё же не прошёл тест антиинтеллигенции, то и это в пользу – Стив уже знал, что перед ним крепкий орешек, для которого придётся поискать нужную валюту. Дед, сидящий перед ним, был из таких. Он даже бровью не повёл в ответ на молчаливый вопрос Стивена.

Более того, вместо ожидаемого объяснения цели визита он сказал совсем иные слова:

– Вы простите, что я привёл сюда внука. Но он очень хотел познакомиться с одним из влиятельнейших людей нашего города. И с одним из богатейших людей страны.

Последние слова больно ударили по нервам Стива, и он не смог сдержаться, раскрыв перед собой часть карт:

– Простите, господа, вы опоздали буквально на полчаса.

Старик с молчаливым вопросом уставился на собеседника, когда тот продолжил:

– Теперь вы находитесь в обществе самого бедного человека во всех штатах. Возможно, это тоже покажется достижением – я на первом месте с конца. Но не знаю, насколько это будет вам интересно.

Дед погрузился, демонстрируя сопереживание тому, что только что сказал собеседник. Наверное, даже не демонстрируя, а действительно переживая.

«Странная парочка», – мелькнуло у Стивена в голове, но додумать он не успел, потому как его собеседник повернулся к внуку и сказал:

– Верон, мой мальчик, оставь бутылку на столе и подожди нас в приёмной.

Внук быстро поставил бумажный пакет, который всё это время держал в руках, на стол и быстро скрылся за дверью, оставив собеседников один на один.

– Вы меня простите, что я проявил немного хозяйских ноток, – извинился собеседник Стива, хотя в его тоне не было слышно ни тени извинений, – но вы для него – кумир, и я не хотел бы, чтобы ваша душевная травма как-то наложилась на ваш героический образ. У всякого бывают взлёты и падения.

Но в момент падений мы выглядим максимально жалко, что, несомненно, портит героический образ.

Стив не очень понял, куда клонит собеседник, но утвердительно кивнул. А между тем тот встал и прошёл к проигрывателю, находящемуся в другом конце комнаты.

Посмотрев на диск, лежащий на нём, он не стал менять пластинку, а вновь включил мелодию и повернулся лицом к собеседнику.

Музыка великого певца наполнила помещение, но звучала она как-то по-особенному. Казалось, что это не динамики её исполняют, а сам Синатра поёт в этой комнате.

Казалось, в комнате появилась какая-то магия, хотя хозяин не понял или не заметил этого факта, поглощённый своими переживаниями.

– Помню, ему не нравилось то, как он записал эту композицию, – сказал Форас, проходя к столу, на который внук поставил пакет. – Он считал, что слишком сентиментально и лирично он её исполнил. Даже перепел её ещё раз. Но, послушав и сравнив обе версии, понял, что был не прав.

– Вы были знакомы с Синатрой? – удивлённо спросил Стив, вставая из-за стола. Фраза старика вывела его из состояния ступора, в который он всё время пытался провалиться.

Вместо ответа Форас достал из пакета бутылку и спросил:

– У вас не найдётся парочки стаканов? Синатра, вечер, выдержанный виски – простите мои старые привычки – скотч. И приятный, как я надеюсь, собеседник. Может быть, не самый плохой финал этой истории? А может, и не финал?

Стив совершенно растерялся, не понимая, к чему клонит этот пожилой джентльмен. Но его манеры, обаяние, шарм успокаивали и оттягивали неизбежное. Почему бы и нет?

Стив достал два стакана и поставил их на стол. Форас мягким и в то же время уверенным жестом разлил напиток и уселся в одно из кресел перед низким журнальным столиком, расположенным в углу кабинета, неподалёку от проигрывателя – эдакий уголок уюта и приватности в этом безумном мире.

– Я не ответил на ваш вопрос, – сказал собеседник, сделав глоток. – Да, я был знаком с Синатрой. И предвзято второй ваш вопрос – лет мне больше, чем кажется. Но кого это волнует?

Он рассмеялся и сделал ещё один глоток.

– Простите, – начал Стив, – я так понимаю, вы живёте в нашем городе. Но я никогда не слышал о вас и никогда не видел.

Форас согласно кивнул.

– Я давно уже ушёл на покой. И если бы не внук, то вряд ли бы вылез из своей норы. Но он последнее время загорелся финансами, и мне это очень нравится – будет кому оставить свои капиталы. Нужно только научить и научиться.

Стив кивнул, но как-то с грустью. Научить и научиться – не поспоришь. Но можно ли научиться всему? После того как он решил вопрос с «Крепким орешком», ему казалось, что он сможет решить любой вопрос.

А вопрос оказался не простым. Когда Орешек был молодым начинающим учителем, он буквально горел стремлением научить всех, кто попадал к нему в руки, и сделать из них сильных и преуспевающих людей. И самое главное – у него это прекрасно получалось. Стив, а вернее детектив, выяснил, что немало из тех, кто прошёл через обучение Орешка, стали известными, влиятельными и успешными.

Стали и... и забыли, не оценили своего учителя. Кто-то не понял, что именно ему они должны быть благодарны. Кто-то был настолько занят, что судьба учителя была ему не столь интересна. А, как оказалось, для учителя всё было с точностью до наоборот. Он ждал и наблюдал за всеми.

Он пристально следил за судьбами всех, буквально всех своих учеников и гордился любому, даже незначительному успеху. А ещё ждал и надеялся, что рано или поздно они приедут и поблагодарят его. Нет, не оплатят и не заплатят, а именно признают его вклад и его значимость.

Но шли годы, а дверной звонок всё безмолвствовал, и это с каждым днём ожесточало его сердце, как бы говоря ему, что все они неблагодарные и эгоистичные существа, ради которых не стоит тратить свои последние годы жизни.

Сказать, что решить задачу было непросто, – ничего не сказать. Но Стив собрал всех в день рождения учителя. Кого посылками, кого угрозами, кого увещеваниями – влияние имени отца-сенатора, помноженное на чувства вины, благодарности, признательности и ещё с десяток чувств-якорей, которые он смог использовать в бывших учениках, сделало своё дело. Да, было несколько отщепенцев, но Стив оставил их на потом – каждому воздастся по делам его. Они были не просто неблагодарными – они стали личными врагами Стива, поскольку теперь уже не учителю, а ему начали портить жизнь. А это, как говорил отец, совершенно неприемлемо.

Это был незабываемый вечер, где всё внимание вращалось вокруг учителя и Стива, который не стеснялся принимать благодарности за организацию такого сюрприза, но при этом старался оставаться в тени.

– Знаешь, я благодарен тебе, – сказал ему Орешек в конце юбилейного вечера, – но не за то, что ты всех собрал.

А за то, что ты вернул мне веру, которую я почти потерял.

И расплакался. Пожилой, седой и уставший – человек, сделавший из мальчишек и девочек цвет нации.

– Но интереснее было с Лучи, с Армстронгом, – голос Фораса вывел Стива из нахлынувших воспоминаний и заставил взять инициативу в свои руки. Или попытаться взять.

– Простите, в других обстоятельствах я был бы рад знакомству с вами. Но в нынешних – меня ждут мистеры Колт, Смит и Вессон. И встреча с ними определит мою дальнейшую судьбу.

Форас наклонился к Стиву через стол и вкрадчивым голосом сказал:

– Эти господа очень терпеливы и могут ждать сколько угодно. Мне же достаточно пяти минут, чтобы вы тоже записали меня в эту компанию – вдруг мой план не хуже, чем предлагают они? И тогда, может быть, мы продолжим наш разговор в компании с мистером Паркером, который более сговорчив?

Стив с непониманием посмотрел на собеседника.

– По сути, – начал тот, – ситуация не изменилась. Да, вы перестали владеть теми деньгами, которые у вас были. Но вы не перестали быть собой – быть Стивеном Донахью, к которому мы и пришли.

Стив хотел было что-то сказать, но собеседник поднял руку, призвав его к молчанию. Это выглядело грубовато, но вполне сочеталось с открытым стилем общения Стивена.

– Я уже говорил, что мой внук восхищается вами как успешным и удачливым финансистом. Именно это позволяет надеяться, что, следуя за своим кумиром, – он указал рукой на Стива, – он сможет добиться желаемых результатов. А самое главное – эти результаты позволят сохранить и приумножить дело, которым я занимаюсь.

Он сделал глоток виски, давая собеседнику обдумать мысль, и продолжил:

– И если с вами что-то случится, его мечта – моя мечта – пойдут прахом. Понимаете?

Стив кивнул и ответил:

– Понимаю, но всё уже произошло.

Старик махнул рукой:

– Произошло что? Ваши деньги испарились на канзасском солнце? Но ваше имя, ваш талант, ваша репутация – всё это ещё при вас. Ну а с деньгами мы что-нибудь решим.

Стив с недоумением посмотрел на собеседника. А тот не спешил продолжать, давая возможность своему оппоненту задать нужный вопрос:

– Что вы предлагаете?

– Вы продолжаете вести дела так, как их вели, – вы это умеете. И от неприятностей никто не застрахован. И при этом изредка приглашаете меня и внука на ваши приёмы – кумир должен подпитывать и вдохновлять. Но не слишком сильно и часто – приесться. Я же со своей стороны решаю ваш финансовый вопрос. С запасом. Скажем, в два раза.

Стив, профессиональный переговорщик и делец, растерялся. Предложение было выгодно для него, но той выгоды, которую рисовал собеседник, он не видел.

– Запомни, мой мальчик, если ты когда-нибудь услышишь слова «вам это ничего не будет стоить», «специально для вас», «уникальное предложение», «это простая формальность» и иные фразы, которые призваны сделать процесс ничтожным, знай, что тебя хотят облапошить, – вспомнился один из вечеров, когда сын пришёл из школы, принесёв домой старенькую и обшарпанную авторучку Parker.

– Пап, смотри, – он показал отцу ручку, – я поменял свой Rolex на эту уникальную модель. Ни у кого такой нет!

Отец посмотрел на авторучку и молча пошёл к бюро, достав оттуда два увесистых журнала. Первым оказался каталог фирмы Parker. Он пролистал несколько страниц и остановился, сравнивая то, что увидел, с тем, что было перед ним.

– Похоже?

Стив кивнул, а отец молча показал на цифры в каталоге: двести тридцать пять. Внутри Стива всё похолодело, и он понял, что совершил большую ошибку.

Между тем отец взял другой каталог, на этот раз принадлежащий Rolex, и открыл там, где была фотография часов, которые он отдал в оплату, и цена: девять тысяч девятьсот девяносто!

Он молча взял ручку и расположил её перед носом сына.

– Сегодня ты получил урок. Не скажу чтобы бесплатный, но очень полезный. Пока не понял всего – пока не понял, что отдаёшь и что получаешь взамен, не делай ничего! И если кто-то пытается убедить тебя, что ты опоздаешь или что такого шанса больше не будет, знай, что это не правда. Шансы будут всегда – их больше, чем тебе кажется. А вот денег – возможностей, может и не быть. И тогда, если действительно подвернётся шанс, который ты прохлопал по собственной глупости, ты будешь кусать локти.

И теперь эта Parker – символ твоего будущего внимания, прозорливости, скепсиса и расчёта. Поставь её в рамку и смотри на неё почаще – она станет напоминанием об ошибке, которую ты не захочешь повторить.

Собеседник между тем мельком взглянул на часы, и Стив положил и этот взгляд в копилку своих наблюдений.

– Ваше предложение лестное и крайне интересное, – искренне ответил Стив, – но, как говорят русские: «утро вечера мудренее».

– А ещё они говорят: «куй железо, пока горячо»! – парировал собеседник. – Вас что-то смущает?

– Много, – Стив откинулся на спинку кресла и начал разгибать пальцы. – Во-первых, мои юристы уже ушли, и я просто не смогу подготовить нужные документы. Во-вторых, это не спасёт ситуацию – всё уже произошло, и о падении акций знает весь мир. В-третьих, мне крайне неловко продавать дохлую корову человеку, который обладает такими уникальными человеческими качествами, как вы. Даже если он убеждает меня, что корова не сдохла или то, что даже в таком виде она может быть полезна.

Он встал, своим видом показывая, что разговор на сегодня закончен. Но собеседник, казалось, не понял его намёка и жестом пригласил его обратно присесть. И Стив послушался, повинаясь какой-то незримой силе, которая виднелась в поведении собеседника.

– Я услышал ваши доводы и готов дать пояснение по каждому вопросу, – он, в отличие от Стива, начал не разгибать, а загибать пальцы. – Во-первых, документы уже готовы – или

вы думаете, что я поверю вашим юристам? И это не из недоверия к вам, а к вашим юристам, которые не столь заинтересованы в процессе, как заинтересован я. В конце концов, я буду отдавать, вкладывать или терять – как повезет.

– Тем более, – собеседник засмеялся, закончив этот всплеск эмоций переходом на грустные нотки в голосе, – именно в компании этих персон вы оказались там, где находитесь. И я имею в виду не кресло, а ситуацию. Так что, будь я на вашем месте, выпотрошил бы их по полной – кто знает, может быть, дело не в несчастном случае, а запланированном?

Он дал небольшую паузу, чтобы слова не только попали в уши, но и всколыхнули извинины, создав нужные эмоции, затем продолжил.

– Во-вторых, биржа в Гонконге ещё работает – у нас 11 часов вечера. И я смогу приобрести достаточное количество акций, которые моментально изменят ситуацию. Если на падение кто-то реагирует скупкой, может быть, это не совсем падение? Мне ли рассказывать! В-третьих, я делаю это не из милосердия и сострадания, а из выгоды – выгоды, связанной и с моей инвестицией во внука, со стремлением сохранить и приумножить то, что я зарабатывал долгие годы.

Моя позиция понятна?

Стив кивнул, а собеседник направился к двери и позвал внука.

– Дай мне документы, – сказал он и протянул руку.

Взяв папку в руки, он передал её Стиву. Но когда тот открыл её, документов в папке не обнаружилось. Он показал это Форасу, приведя его в некоторое замешательство. Тот посмотрел на часы и сказал извиняющимся тоном:

– Думаю, что мой внук перепутал папки, и в течение получаса он сможет привезти новый пакет документов.

С этими словами Форас вышел в приёмную, и как только дверь за ним закрылась, зашипел на внука:

– Ты что принёс? Где документы?

– Я взял со стола то, что ты приготовил.

И тут Форас вспомнил, что брал документы в кабинет, но не вернул их обратно. А внук, видимо, просто взял одну из папок, которые лежали на столе, считая, что у пунктуального деда всё под контролем. Не всё...

– Пулей домой за документами!

Форас-младший ехал в такси. Вечерний город располагал к поездкам и размышлениям о жизни – земные привычки, земное тело и его чувства давали о себе знать.

Он не помнил своих родителей. Видимо, они слишком рано покинули его, передав на попечение деду. Но и тот не часто появлялся в его жизни, во всяком случае до последнего времени.

Оно и понятно – сейчас становилось понятно, а в детстве было совершенно не ясно, кто он и как ему быть. У демонов, в отличие от людей, предназначение определяется по занятиям рода. Дед, отец, сын – все они становились частью родовой цепочки, которая была призвана заниматься одним делом. Перейти в другую профессию или найти себе что-то другое было просто невозможно. Можно было только расти вверх или опускаться вниз. Что в большинстве родов и происходило.

Говорят, что его отец и мать слишком быстро начали подниматься по эдакой демонической лестнице, создав неудобства другим родам, и их попросту подставили под мага-экзорциста.

Нет, в самом экзорцизме нет ничего страшного для демона. Немного больно, но в целом это как принудительное выселение из квартиры – тебя скручивают и пинком возвращают домой. Будто взяли за шкирку, скрутили потуже и выбросили. Но некоторые маги, зная, что

это не последний день для демона, применяют так называемый фатальный экзорцизм, который приводит к распылению демона. Но для этого нужно было быть серьёзным специалистом. Вот такой-то и нашёлся, распылив родителей. Впрочем, всё это со слов деда. Но у демонов не принято вести фамильные хроники и сомневаться в слове своего. В слове чужого – постоянно. Но если не верить своим, кому верить? Так что фраза «со слов деда» является окончательной.

– Приехали, – раздался голос таксиста, который выхватил сознание демона из архива воспоминаний.

– Подождите меня, я скоро, – сказал Форас-младший и пулей бросился к лифту.

Войдя в комнату, он ощутил, что в ней произошли какие-то изменения. Кто-то был здесь недавно или присутствовал здесь сейчас. Да, для демонов любые человеческие угрозы не страшны. Но Форас-младший ощущал что-то иное.

– Не нужно красться, молодой человек – вы у себя дома.

Из кресла, на котором он любил сидеть, на него смотрел очень худой и очень высокий человек демонической наружности. Вернее, наружность была обычной, но вот глаза – глаза были демонические. Этаким незримым образом, который не могли скрыть человеческие черты лица и человеческий облик.

– Кто вы? – растерянно спросил молодой демон.

– Ревизор, – с серьёзным видом сказала фигура, – и хотел бы видеть вашего деда.

– Но до полуночи ещё сорок пять минут!

Гость согласно кивнул, но не сдвинулся с места. Лишь заметил:

– Я подожду его здесь, с вашего позволения. И передайте ему, что Марбас ждёт его.

Форас-младший кивнул и бочком, как бы стараясь не потревожить гостя, прошёл в кабинет и взял папку.

Дед встретил его в приёмной. Он выглядел взволнованным, но вполне довольным – пока всё шло по плану. Внук передал ему папку и добавил:

– У нас гость. Он представился как Марбас и сказал, что ждёт тебя.

Дед посмотрел на часы и проворчал:

– Формалисты! Ничего, – он потряс папкой перед носом внука, – мы испортим ему обедню.

И, открывая дверь в кабинет Стива, радостно произнёс:

– Всё в наших руках, и сейчас в них нужные нам документы!

Он передал документы и, довольный, уселся напротив, мельком взглянув на часы. Стив же открыл папку, но не посмотрел на неё, а посмотрел на Фораса и спросил:

– И всё-таки, как вы намереваетесь решить финансовый вопрос?

– Это очень просто, – радостно ответил Форас. – У вас есть табло Гонконгской биржи?

Стив утвердительно кивнул головой и нажал на кнопки пульта, который лежал на столике. Из потолка комнаты с тихим гулом выехал проекционный экран, и через несколько секунд на нём отобразились колонки цифр.

Форас всмотрелся в цифры и указал на нижний правый угол, содержащий цифры окрашенные красным цветом:

– Это ваша позиция. И судя по цифрам, она уже потеряла 80% и продолжает искать своё дно. А теперь, – он достал из кармана смартфон и несколько раз нажал на его экран, – я займусь чудесами, а вы изучите документы. Ну или подпишите их, если полностью мне доверяете.

Стив откинулся на спинку кресла и достал пачку жёлтых листов из папки. Одновременно с этим из внутреннего кармана он извлёк ручку, чем вызвал яркую эмоцию Фораса:

– Только прошу вас, – воскликнул он, – ничего не исправляйте! Если что-то не устроит, мы просто составим новую форму, исправив нужные моменты – после обсуждения.

Стив кивнул – его больше интересовали цифры в углу экрана, нежели бумаги. И, о чудо, цифры медленно, но уверенно начали расти. Вначале на доли процента, а потом скакнули, уменьшив падение до 40 процентов!

Да, это не решало всей задачи, но демонстрация возможностей собеседника была налицо.

– Как вам? – спросил довольный Форас.

– Впечатляет! – искренне прокомментировал Стив. – Но, как я понимаю, это первая часть плана?

Форас кивнул и добавил:

– Верно. Через 15 минут, когда всё стабилизируется и потенциальные инвесторы будут гадать, что же происходит с вашими акциями – попытка спасти ситуацию или нажать состояние на финансовом шторме, – мы вновь начнём скупать их в ещё больших масштабах. Тогда вначале не выдержат самые беспокойные, а затем и самые стойкие встанут в очередь за ними. И затем наступит третий этап – я его называю этапом новообращённых, тех, кто за это время узнает, что есть акции, на которых можно быстро подняться. И мы их тоже подогреем скупкой.

– Великолепно! – ещё более искренне сказал Стив.

– Теперь я понимаю, что вы действительно разбираетесь в том, о чём говорили. Но для таких игр нужны ресурсы.

Колоссальные ресурсы. И, как я понимаю, о них вы тоже упоминали.

Форас довольно кивнул и указал на документы. Стив попытался вникнуть в текст, но увиденное слегка туманило его взор. Он держал в руках ручку и машинально щёлкнул пару раз кнопкой, чем вызвал некоторое волнение у собеседника.

Впрочем, не только у него. Его взор стал яснее, а мысли начали выбираться из эмоциональной пробки.

– Не волнуйтесь, – успокоил он Фораса, – я помню насчёт помарок на полях. Думаю, что к концу второго этапа я смогу дать оценку этим бумагам.

Это был не совсем тот ответ, который ждал Форас, но давить в такой ситуации было нельзя. Давление – это появление новых эмоций. А новые эмоции, это конфликт с прежними и вот уже схема, которая казалась безупречной, начинает спотыкаться и падать.

Когда цифры на экране вернулись к нулю и перешли в прибыль, став из красных зелеными, Стив закончил чтение бумаг.

– Мне всё понятно, – сказал он в задумчивости, внимательно смотря в глаза собеседнику. – Стандартный договор, вернее, сделка. И знаете, что я вам скажу?

Он положил бумаги перед Форасом:

– Мне это не интересно. Заманчиво – не спору, но не интересно.

Форас недовольно нахмурился и показал рукой на экран:

– Вы же понимаете, что всё это сейчас вернётся на свои места и ваша встреча с Кольтом, Смитом и Вессоном станет неминуемой.

– Возможно, – сказал Стив и достал свой смартфон из кармана. – Помните, я говорил про русский фольклор? У них есть такая история про немцев, которых разбили на замерзшем озере. Вначале заманили, а затем, когда они втянулись, резерв из-за какого-то камня, по-моему Вороньего, добил рогатых. А ещё это называется «рояль в кустах».

Форас ошарашенно смотрел на собеседника. То, что было прогнозируемо минуту назад, исчезло, испарилось в прах, оставив только призраки надежды, которая бежала по ступенькам вниз – прочь из этого небоскрёба.

Стивен нажал несколько кнопок на смартфоне, и цифры, замедлившие рост, вновь побежали вверх.

– Теперь у меня хватит сил, чтобы доделать начатое вами.

Часы, стоящие в углу и мерно отстукивающие секунды, вдруг ударили оглушительным боем. Наступила полночь.

Форас, зло сверкнув глазами, собрал бумаги и направился к выходу.

– Вы ещё поплатитесь за своё поведение! – зло сказал он.

На что Стив рассмеялся и сказал ему в спину:

– Если бы за каждое проклятие, направленное в мой адрес, я получал по доллару, то мой капитал был бы в два раза больше!

Уже покидая приёмную, дед оглянулся. Ему послышалось слово «пылесос», которое прозвучало откуда-то из-за угла. Но приёмная была пустой, и он поймал себя на мысли о том, что шутка, высказанная внуком, стала приобретать значимость в реальности. Из неприятной, но, по сути, вполне безобидной формы ерничанья она вдруг стала идиолом, который готов высосать жизнь. И это должно произойти буквально с минуты на минуту.

4 глава. Ревизор

Уже знакомая пара брела по освещённым улицам города от Сити в сторону дома. Это были известные нам дед и внук, потерпевшие очередное фиаско.

Дед молчал, понимая всю безнадёжность ситуации.

Молчал и внук, не понимая, чем он может быть полезен или что может сделать, чтобы поддержать деда.

Зайдя домой, они увидели за столом, полным разных бумаг, квитанций и чеков, уже знакомую нам фигуру – Марбас был в полной готовности для начала намеченной им проверки.

– Дружище, – обратился к нему Форас как к старому товарищу, – я не прошу милости или снисхождения – мы, демоны, на это неспособны. Но я прошу одного: найти не только мои ошибки, но и объяснить их причины. Для меня это не важно – сколько мне здесь осталось? А вот внуку явно пригодится.

Марбас с вниманием посмотрел на одного, затем на другого представителя четы Форасов и закрыл папку.

– Хорошо, – строго сказал проверяющий. – Тогда всё по порядку и ничего не упуская. Вердикт ясен, и вряд ли его что-либо изменит. Но вот формулировки могут быть иными. Если, конечно, для таких предположений найдётся повод. Или довод.

Он замолчал, предоставляя возможность собеседникам заполнить паузу и дать объяснения.

Через несколько минут, когда Форас-старший полностью изложил свою версию происходящего, Марбас спросил с явным непониманием:

– И что здесь странного?

– Тебе не кажется, что срыв трёх сделок за столь короткий срок сам по себе странный?

– Не думаю. Вот смотри, – сказал Марбас, начав загибать пальцы на правой руке, – с продавцом пылесосов – всё прозрачно. Юноша получил желаемое, не проглотив наживку и убыл восвояси.

– Теперь что касается молодой ведьмы, – методично продолжал Марбас и загнул следующий палец, – там тоже всё очевидно. Её стремление к могуществу несколько меньше, чем влияние правил, к которым она приучена. У неё хорошая школа, и эта школа сработала против тебя. Ты не учёл мелочи. А тебе известно, что мы, то есть «дьявол», скрываемся в мелочах.

– И наконец, бизнесмен. И с ним всё яснее ясного – ушлый, вёрткий, корыстный. А ты, насадив его на крючок надежды, слишком резко подсек – вот он и вырвался. Ты спешил, и это понятно. Он – нет, у него все уже свершилось и он смог взять себя в руки и воспользовался возможностью, каким бы жалким и растерянным он ни выглядел.

– Так-то оно так, – с жаром воскликнул Форас, – но посмотри на это иначе! Три срыва за несколько дней! Такого просто не случалось никогда. Я здесь уже около ста лет и заключил не одну тысячу сделок. Ты думаешь, я не смогу отличить ошибку от аномалии?

Марбас задумался и ответил:

– Не спорю – опыт у тебя колоссальный. Но, может быть, «и на старуху бывает проруха»? Может, всё, конец карьеры? Сама судьба намекает, да что там намекает – чётко указывает тебе, что всё кончено?

Форас нервно дёрнул плечами, не желая соглашаться с собеседником.

– При чём тут это? – сказал он глухим голосом. – Я тебе о признаках говорю, а ты о возрасте. Между прочим, мы с тобой ровесники.

– Так-то так, – кивнул Марбас, – только я всё больше дома, а ты всё больше в командировках. Сам знаешь, тут день за десять идёт.

Затем немного подумал и добавил:

– Если ты представишь весомые аргументы, я готов тебя выслушать. Что-то более весомое, чем «кажется», «видится» или «ощущается». Факты, с которыми не стыдно будет пойти к начальству.

Форас-старший нервно заходил по комнате.

– Аргументы, аргументы. Слушай!

Молодой человек, который приехал из провинции в большой город, считая, что сможет добиться успеха и славы.

Но реальность показала, что таких – тысячи, десятки тысяч. Он вынужден работать за гроши и жить в трущобах. Его эмоциональное состояние, несмотря на некоторый подъём в связи с новой работой, оставляет желать лучшего. Он не в отчаянии, но очень близок к этому. И тут ему выпадает шанс раз и навсегда изменить свою жизнь – получить то, к чему он стремился. Но вместо этого он забирает малое, искренне отказываясь от большего! Более того, его даже не заинтересовало моё предложение! Как со стеной поговорил!

Откуда такая стойкость? Даже самые стойкие люди начинают мучиться, сомневаться, переживать об упускаемой выгоде. А тут – стена!

Марбас что-то хотел сказать, но Форас поднял руку, демонстрируя, что ещё не закончил.

– Теперь ведьма. Одна работает ночью на кладбище.

А это значит, что нет ни наставницы, ни ковена, который мог бы её поддержать. Судя по тому, чем она была занята, – банальная бытовуха с целью заработать немного денег. На большее не хватает сил – или не научили, или не развила, или просто не дано. Согласись, её состояние тоже близко к идеальному для обработки и вывода на сделку. На тебе желаемое могущество и измени свою жизнь! Но нет, не только отказывается, но ещё и строчит жалобу! И кому? – тому, кто не дал ей силу! Конечно, можно сказать, что она подготовлена и проинструктирована – такие мне встречались. Но нельзя списывать со счетов её состояние! Её отчаяние, растерянность, неуверенность в себе! А его нет!

Форас практически перешёл на крик. Но затем, взяв себя в руки, продолжил.

– Теперь что касается бизнесмена. И с ним всё было ясно. Упал с такой высоты! Подняться шансов не было! И по состоянию, в котором мы его нашли, он смирился с этим и решил закончить свои дни. На кону – репутация, деньги, бизнес, который его семья строила многие годы. Отчаяние, страх, потерянности – и всё это на фоне молниеносного события. Кто может очухаться от такого за несколько часов, собраться с мыслями да ещё и обыграть демона?

– Вывод, – сказал Форас более спокойным тоном, – либо мне по иронии судеб достались уникальные личности, что, как ты понимаешь, возможно раз в сто, нет, в тысячу лет!

И то встретить одну такую личность за тысячелетие – уже легенда! Вспомни Иова. А чтобы три, за раз, да ещё за столь короткий срок – просто не верю!

– Либо с тобой играют Судьбы, – как бы эхом повторил Марбас, – либо...

– Либо кто-то ещё. Ещё остаётся вариант, что мир и люди настолько изменились, что обрели иммунитет или на них перестала работать наша магия. Но согласись, каждый из трёх вариантов говорит об аномальности.

– Четырёх, – уточнил Марбас. – Я пока не отказался и от варианта под названием «старость и усталость».

Форас фыркнул и уселся на стул перед Марбасом, ожидая решения. А тот не спешил, размышляя над сказанным.

Одно дело отправить на покой старого демона, но другое – прошляпить аномалию, которая затем может отразиться на всей рабочей цепочке. И тогда он, как и старый демон, тоже будет отправлен на пенсию.

– Что ж, – сказал он после продолжительной паузы, – признать тебя «старым и усталым» и отправить в отставку всегда успеется. А вот если на тебе сфокусировано внимание Судеб, или Сил, или ты за время работы на земле обрёл уникальное качество находить уникальные

таланты, грех не воспользоваться таким случаем и разобраться в происходящем. Но это я так думаю.

Он порылся в сумке, которая лежала рядом, и достал из неё большое обсидиановое зеркало, которое расположил перед собой.

– Думаю, мне нужно получить одобрение начальства. Свечи найдутся?

Через несколько минут комната погрузилась во мрак.

Только две свечи, расположенные слева и справа от зеркала, освещали ту часть, где собрались демоны. Дед и внук сиротливо притаились в сторонке, ожидая вердикта Сил.

Марбас начал тихо и нараспев читать заклинание. И через несколько минут резко прервался, усилив своё внимание на зеркале:

– Мессир, вас приветствует Марбас. Я у семьи Форасов – разбираюсь с ситуацией. Выяснились обстоятельства произошедшего, и не всё так очевидно, как кажется...

Он замолчал, прислушиваясь к тому, что говорили с той стороны. Ответы были слышны лишь тому, кто инициировал разговор. Он молчал и кивал, выслушивая все комментарии собеседника. Затем продолжил:

– Нет, пока не готов доложить в деталях. Как раз из-за необходимости разобраться и уточнить. Я и прошу вашего разрешения остаться и всё тщательно проверить... Да, это может быть крайне важно... Думаю, что земной недели мне хватит... Да, понял. Приступаю.

Марбас жестом показал, что можно зажечь свет, и задул свечи.

– Мне позволено остаться здесь на неделю и всё тщательно исследовать, – он внимательно посмотрел на демонов, которые, сдерживая дыхание, смотрели на него. – Но не думайте, что я буду на вашей стороне. Дружба дружбой, а дело делом!

Эти слова были обращены прежде всего к Форасу-старшему. Тот с готовностью откликнулся:

– С чего начнём?

– Если ты – точка фокуса, – уточнил Марбас, – значит, всё нужно оставить без изменений. Ты продолжаешь работать – я буду рядом и буду исследовать каждый твой шаг, ища доказательства или опровержения предположений.

У тебя есть кто-то на примете?

Форас-старший достал из кармана небольшую записную книжку в потёртом кожаном футляре и начал листать страницы, что-то бурча себе под нос. Затем, найдя нужное, сказал:

– Кандидат номер один – Майк Вазовски, молодой человек 18 лет. Осиротел в 3 года. Воспитывался в приюте Святой Агнессы, где отношения не сложились ни с кем – ни с детьми, ни с преподавателями. Сейчас служит клириком в церкви неподалёку. С одной стороны, набожен и считает, что вся его жизнь – это испытание, посланное на него всевышним, и что после того, как он пройдёт его, он станет совершенно другим человеком. Возможно, даже святым. С другой – часто срывается и готов служить Сатане, поскольку считает, что Бог не ценит его страданий, и хотел бы найти того, кто действительно оценит его талант. Тем самым он как бы хочет показать Богу, что тот не прав, раз не увидел в нём такого ценного кадра. Даже сделал с десяток вызовов, но ответа не получил.

– Почему не получил ответа? – уточнил Марбас.

– Потому что пустышка, – развёл руками Форас. – Полная пустышка. Его душа не нужна даже начинающему демону перекрёстка.

– Но ты его предлагаешь?

– Как простой и банальный вариант. Если всё же за ситуацией стоят Силы, то и этот вариант канет в Лету. Ну не может тот, кто готов на 99,99% к сделке, отказаться от неё.

Только чудо всё переставит с ног на голову.

Марбас согласно покачал головой и жестом предложил зачитать список дальше.

– Мисс Анабэла Люткинс, тридцать пять лет. Рак третьей стадии. Операция возможна, но ни страховки, ни денег у неё нет. Отправили домой умирать.

– Почему выбрал её? – вновь уточнил Марбас.

– Потому что, с одной стороны – страх и отчаяние. С другой – она верит, что ей могут помочь и светлые, и тёмные силы. И она готова принять помощь и от тех, и от других. Если примет от тёмных – считает, что сможет потом отмолить.

Если от светлых – то получит доказательство божественного чуда. Другими словами, дамочка готова на всё те же 99,99%, и не видно никаких подводных камней. А ещё, – тут старик произнёс с некоторой злобой в голосе, – часики тикают, и это может стать серьёзным аргументом для более быстрого принятия решения.

– Да, – кивнул Марбас, – но дамочка-то с причудами. Одной ногой в могиле – а гляди ты – интриги плетёт, пытаясь столкнуть лбами силы. Ты считаешь, что стоит тратить на неё время?

– Думаю, да, – с некоторой заминкой ответил Форас.

– Этакое сплетение добра и зла – повод появиться светлым и спасти её душу. Или Судьбам, если они хотят предотвратить наше вмешательство.

Марбас кивнул, а Форас продолжил:

– И третий претендент – местный колдун Фрэнк-Повелитель, как он себя кличет, тридцати трёх лет от роду.

Уверен, что именно он является воплощением антихриста и должен повести народы за собой.

– Он-то тебе зачем? – воскликнул Марбас. – Он же явно безумец!

– Верно, – согласился Форас. – Но есть одно «но» – его желание.

– А что с желанием?

– Он хочет стать воплощением антихриста, носителем Зла, проводником дьявольских сил.

– Не понимаю, – развёл руками Марбас. – Что ты хочешь этим сказать? Таких одержимых идей тысячи по всей земле. И этот не лучше и не хуже – просто этот. Что он тебе?

– Работа с этим персонажем не оставит в стороне ни одну из предполагаемых сторон. Если, конечно, они вообще здесь есть. Согласись, шаг к Апокалипсису – весьма солидный повод для того, чтобы вмешаться.

Марбас задумался, машинально перекладывая бумаги с места на место.

– Сирота, который хочет насолить Богу. Больная, которая, стоя на краю могилы, выбирает не ад или рай, а жизнь в обществе тех, от кого стремится убежать. И оккультист, который всеми силами пытается ускорить конец света. Коллекция... Долго собирал?

Форас отрицательно покачал головой и затем развёл руки в стороны: мол, само как-то вышло.

– Хорошо, раз так – список утверждён – работаем со всеми, – уверенно произнёс Марбас. – Но согласуем стратегию.

– Просьба, – мягко, но настойчиво произнёс Форас, перебивая проверяющего, – подключить к работе внука.

Вероятность того, что меня вернут домой, крайне велика. А с другой стороны, вероятность того, что его оставят на моём месте, крайне мала. Но обе эти вероятности существуют. А значит, чем он лучше будет подготовлен, тем проще ему будет в будущем. А мне – спокойнее.

Форас-младший явно не ожидал такого поворота, но согласно кивнул головой – детство и юность он провёл в аду.

Это не то место, куда хочется возвращаться снова и снова. Помнить, иногда вспоминать в разговоре, но не возвращаться.

– Хорошо, – согласно кивнул Марбас. – Начнём с дамочки – часики тикают, а значит, есть шансы на то, что она будет сговорчивее. Но вначале подготовка. На случай, если ситуация приобретёт ожидаемо-неожиданный оборот.

Он раздвинул бумаги на столе и выложил на него из сумки чашу, ржавую металлическую корону и бутылку зелёного цвета. И удивительным во всём было то, что размер сумки совершенно не соответствовал размерам предметов, которые он оттуда достал: они просто не должны были там уместиться!

– Вначале мы затрём все твои внешние данные, – сказал он, обращаясь к Форасу-младшему. – Нам нужно, чтобы тебя просто не было видно в сюжете. Если точка фокуса – твой дед, то она никоим образом не должна искажаться. Ну а если ты, что маловероятно, то потеря координат также сыграет нам на руку.

Он передвинул один из стульев в центр комнаты, жестом пригласив младшего присесть. Затем надел ему корону на голову, а в руки дал чашу.

Стоя перед ним с бутылкой в руках, он начал произносить заклинание на енохианском языке, говоря каждое последующее слово громче предыдущего. Когда его голос стал почти похож на крик, он налил в чашу воды из бутылки. Вода дымилась, как будто она была кипящей.

– Вылей себе на голову! – скомандовал он.

Младший повиновался, и в тот же момент на его месте образовалось нечто прозрачное, более похожее на приведение. Только корона не потеряла свой вид.

Туманная фигура начала подвывать, а затем попыталась изменить своё положение.

– Сидеть и терпеть! – властным тоном скомандовал Марбас. И уже через пару мгновений всё улеглось, а к фигуре младшего начали возвращаться привычные очертания.

Марбас снял корону, чем вызвал очередное подвывание – очередной приступ боли у своего подопечного.

– Всё, теперь всё, – сказал он, пряча корону в мешок. – Теперь ты просто тень для всех Сил.

Форас-старший, еле сдерживая волнение, подошёл к внуку и пощупал его. Но у того всё было в порядке.

– Жуть какая, – прокомментировал тот. – Такое ощущение, что меня сначала вывернули наизнанку, затем свернули обратно. Потом опять вывернули, видимо, чтобы посмотреть, не забыли ли что, а затем ввернули обратно.

– Ты молодец, – похвалил его Марбас. – Это непросто – выдержать такое. Но это только начало. Теперь подумаем, что нам нужно сделать для твоего деда.

Форас-старший поёжился и сделал шаг назад, с некоторым волнением смотря на Марбаса. Он явно не хотел такой же участи для себя. Демоны не восприимчивы к обычной боли. Но это была магическая боль, которую они ощущали в десятки раз сильнее самого чувствительного экстрасенса.

– А ты как думал? – спросил Марбас. – Как, по-твоему, мы засечем присутствие Сил в ситуации?

– Как? – с неуверенностью спросил дед. Он явно не был готов к обряду выкручивания или иной подобной схеме.

– Через тебя! – твёрдо ответил Марбас. – А значит, ты должен иметь на себе индикаторы присутствия этих Сил.

Форас покачал головой, явно не понимая, о чём идёт речь. Как он и говорил (а говорил он правду), за тысячи лет он не сталкивался ни с чем подобным.

– Смотри, – сказал Марбас и взял один из чистых листов со стола. – Это твоя жизнь.

Он нарисовал круг.

– Ты строишь планы и собираешься что-то сделать.

И он пририсовал к кругу ножки и ручки.

– Но когда ты начинаешь это делать, появляется кто-то, кто мешает твоим планам. Что происходит?

Не дожидаясь ответа, он взял и оторвал от листа руки и ноги, чем вызвал нервные возгласы со стороны опальной семейки.

– Всё остаётся по-старому. А твои ручки-ножки кто-то отрывает, считая, что и без них ты очень и очень красивый. А все дела твои он отправляет в утиль!

И он скомкал обрывки бумаги, бросив их на стол.

– Надеюсь, мы не будем доводить ситуацию до такого финала? – с волнением спросил дед.

– А что? – удивился Марбас. – По-моему, красиво и эффектно! А главное – фактические доказательства. Если мы встретим тебя в таком виде, то будем точно знать, что с тобой что-то не так. Ручки-ножки сами не отрываются. Понимаешь?

Он немного помолчал, явно наслаждаясь гробовой тишиной, стоящей в комнате, затем рассмеялся в голос.

– Не драматизируй, это всего лишь образ. Но, как мне кажется, очень удачный.

Если бы Форасы могли потеть, они бы сейчас вытерли пот со лба. Но демоны, находясь в теле человека, не могут реализовывать некоторых человеческих проявлений, поэтому они лишь выдохнули, стараясь сделать это как можно тише.

– Итак, – Марбас был полон энергии и энтузиазма, – по нашим непроверенным данным, мы ждём Судьбы, Силы, Ведьм и Магов. Я ничего не пропустил? Хотя последнее маловероятно, но предположим, что и они где-то рядом.

Форас согласно кивнул, а между тем Марбас уже копался в своей сумке, доставая очередную порцию компонентов для того, чтобы препарировать демона и привести его в нужное соответствие с планом.

5 глава. Конвейер

Вечером следующего дня компания сидела в квартире у Фораса-старшего, пребывая в весьма удручённом состоянии. Причём, называя состояние удручённым, мы делаем скидку на то, что демоны мало эмоциональны и не способны переживать неудачи так, как их переживали бы обычные люди. Если бы это были обычные люди, то слова «шок», «трагедия», «несчастье», «горе», «бедствие», «злключение», «злополучие», «беда», «катастрофа» – слова, которые мы бы с уверенностью могли использовать для описания ситуации. А для демонов удручённое состояние являлось верхом того, что можно применить в качестве описания.

– Убедился? – угрюмо спросил Форас-старший, не смотря на Марбаса.

Тот молча кивнул головой, явно думая о чём-то своём.

Он был в такой ситуации первый раз в жизни и понимания того, что происходило, просто не имел.

– Я не понимаю, как она, будучи в достаточно здравом уме и не совсем здоровом теле, отказалась от твоего предложения! – тихим голосом сказал Марбас. – Смерть в муках или счастливая и долгая жизнь! Идиоту понятно, что нужно выбрать!

Форас-старший кивнул и вставил своё мнение:

– А она не только не согласилась, но ещё и преподнесла свой отказ как подвиг. Мол, умру во славу всевышнего и стану святой. Святой она станет! Всю жизнь только и делала, что пила да жрала в три горла. А теперь вот святости захотела. Или у нас в святые теперь берут всех подряд? Черт под старость в монастырь пошел, да причастие не прошел – испарился!

Марбас развёл руками, явно давая понять, что он не в курсе, по каким критериям сегодня отбирают в чин святых. Да и не его это дело, откровенно говоря.

– Что теперь делать?

– Не знаю, – искренне ответил Марбас. – Я даже не знаю, что доложить. А я должен что-то доложить.

В этот момент из угла, где расположился Форас-младший, раздался звук телефонного звонка. Тот нажал на экран и что-то быстро и тихо ответил. Но, видимо, то, что он ответил, не устроило собеседника, и младшему пришлось повысить голос.

Демоны с удивлением смотрели на происходящее.

Старший – потому что запретил внуку пользоваться телефоном во время работы. Марбас – потому что никогда раньше не видел ничего подобного – слишком долго его не было на земле, и он просто не застал тот момент, когда появились подобные устройства.

Под строгими взглядами старших младший нажал на клавишу отбоя, но, видимо, это не устроило собеседника, который вновь начал названивать.

– Что здесь происходит? – спросил Марбас с интересом наблюдая за происходящим.

– Звонят из банка, – как бы оправдываясь, ответил младший. – Хотят, чтобы я поговорил с ними.

– С каких это пор банкиры стали вести себя подобным образом? – удивился Марбас. – Последний раз, когда я был здесь, люди бегали за банкирами, а не наоборот.

– И сейчас также, – подтвердил старший. – Только чуть-чуть иначе: вначале ты бегаешь за банкирами, потом они бегают за тобой, потом ты бегаешь от них.

– А могу я послушать ваш разговор? – Марбас явно заинтересовался происходящим и хотел понять, что это за сила вмешалась в дела демонов столь бесцеремонно и нагло.

Форас-младший утвердительно кивнул головой и нажал на кнопку, включающую громкую связь:

– Мистер Форас, – раздался мелодичный, но в то же самое время не очень приятный женский голос, в котором слышались нотки недовольства и претензии, – напоминаю вам, что

согласно подписанному вами договору, а именно пункту 8, подпункту 32, вы обязаны отвечать на все телефонные звонки, поступающие из банка, и не имеете права бросать трубку!

Младший сидел с виноватым видом, как школьник, которого только что отчитала учительница. А в это время старшие демоны с любопытством и интересом смотрели на него.

– Я не бросал, – оправдывался он. – Видимо, что-то со связью.

– Мистер Форас, – провозгласил голос, не меняя выбранной интонации, – согласно тому же договору, пункту 9, подпункту 11, вы ответственны за бесперебойную связь в любое время дня и ночи. А значит, это вы нарушаете договор и вынуждаете банк предпринять меры, которые вернут наши отношения в русло наших договорённостей.

– Ничего не понимаю, – шёпотом спросил Марбас у Фораса-старшего. – Она кто?

Тот развёл плечами, и демоны продолжили вслушиваться в разговор.

– Мистер Форас, – тон на том конце провода немного изменился, – поскольку это ваше первое нарушение, банк не будет предпринимать никаких шагов. А также, в качестве подтверждения нашей доброй воли, вам одобрен кредит в размере одного миллиона. Вы должны получить его завтра в 10 часов утра.

– Простите, – ошарашенно сказал младший. – Мне не нужен кредит. Мне нужна была карточка для оплаты – кусок пластика – этого достаточно.

На том конце провода воцарилась тишина, но ненадолго, и голос, как пономарь, вновь заладил своё:

– Мистер Форас. Согласно нашему договору, который вы подписали при оформлении карты, а именно пункту 38, подпункту 33, вы не имеете права отказываться от предложений банка. Все они сделаны на основании детального анализа наших с вами отношений и содержат уникальные предложения. Но если вы откажетесь, то согласно тому же договору вы будете обязаны компенсировать банку упущенную выгоду. Вы готовы к этому?

– Уточни, – шёпотом произнёс Форас-старший, – о какой компенсации идёт речь?

Младший уточнил, на что трубка ответила:

– Согласно пункту 18, подпункту 9, вы будете обязаны компенсировать банку проценты, которые он должен был получить от вас в связи с оформленным кредитом. А также выплатить пеню за хранение денег, которые вы не возьмёте, – ведь банк должен будет их сохранить и обеспечивать их безопасность. Вы готовы к такому развитию событий?

Младший развёл в панике руками, совершенно не понимая, что происходит и что делать. Марбас, чем-то явно довольный, кивнул ему – продолжай!

– Нет, – тускло ответил демон в трубку.

– И это правильно, мистер Форас, – одобрительно ответили из банка. – Итак. Вам одобрен кредит в размере одного миллиона. И поскольку вы наш новый клиент, а также не достигли 21 года, на ваш кредит будет действовать повышенная ставка страхования жизни, а также страхования от невыплаты и потери работы. Также банк пошёл вам навстречу и решил не утруждать вас выплатами процентов по кредиту. Они будут списаны с вас в самом начале. Также банк предоставляет вам счёт для обслуживания кредита, и поскольку это второй счёт, его оплата также будет вычтена из тела кредита. В итоге сумма, которую вы должны завтра выплатить банку за предоставленный нами кредит, составляет два миллиона тридцать тысяч.

Марбас беззвучно засмеялся и ударил себя по коленкам.

– Простите, – растерянно сказал младший, – вы мне даёте кредит или я вам должен принести деньги?

– Всё верно, – сказал радостный голос. – Мы предоставляем вам кредит, а вы, в свою очередь, оплачиваете нам наши услуги. Всё честно – так, как указано в договоре.

Ждём вас завтра в 10 утра. Как вам удобнее внести деньги – переводом или чеком?

Младший положил трубку и откинулся на кресле. А между тем дед подбежал к нему и начал на него орать:

– Демон подписывает кабальный договор! Да надо мной весь ад смеяться будет!

Внук вжал голову в плечи и тихо ответил:

– Мне просто нужна была карта для оплаты услуг. Клянусь, ничего я не подписывал.

А между тем Марбас смеялся что есть сил, смотря на то, как дед с внуком реагируют на происходящее. Форас-старший с раздражением посмотрел на своего старшего товарища, и тот взял себя в руки.

– Не ожидал, скажу откровенно. Не ожидал!

– Чего не ожидал? – буркнул Форас-старший.

– Не ожидал такой эволюции в банковской сфере.

Они и раньше были ушлыми ребятами: сотню взял – две отдал. Но теперь они превзошли себя – они просто берут, не утруждая себя этапом «дать». А можно посмотреть на твой договор? – он обратился к младшему.

Тот начал судорожно рыскать в карманах и, не найдя нужного, полез в ящик стола. Именно там лежала тонкая папочка, в которой хранился один единственный лист и пластиковая карточка.

– Что, и это всё? – Марбас с недоумением воззрился на лист бумаги, который содержал не больше тридцати-сорока строк. – А где все эти подпункты, которыми она так ловко жонглировала?

Младший пожал плечами, а Марбас взял лист и начал внимательно его рассматривать. Затем полез в мешок и вынул из него приличного размера лупу. Вооружившись инструментом, он начал изучать каждую строчку и радостно воскликнул:

– Вот оно! – он указал на линии в самом низу договора. – Это текст, который гласит: «Полный текст договора можно запросить в банке, и не позднее чем через три года он будет доставлен клиенту по адресу проживания». А также указано, что клиент полностью согласен с текстом этого договора.

– Но я подписал только то, что получил карту! – Младший ткнул пальцем в строку. – Вот!

– Да, – кивнул Марбас, – и, подписав, согласился на ВСЁ, что здесь написано. Ах ловкачи, ах проныры!

– Не пойму, – раздражённо спросил старший, – что тебя так радует? Наплевать на банк – не проблема. Но такая удобная легенда, комфортная квартира. Я стар для переездов.

– Думаю, что в переезде нет нужды. И если я правильно понимаю этот мир, то завтра мы сможем предоставить начальству нечто, что позволит на время забыть о ваших неудачах. Ты ведь знаешь, где отделение банка?

Младший утвердительно кивнул, а Марбас добавил:

– Посетим его в указанное время. Вдвоём.

Марбас потянулся и откинулся на спинку стула, чем вызвал усмешку со стороны Фораса-старшего:

– Что, усталость? – поинтересовался тот, жестом указав младшему на кровать: мол, разбери гостю.

Тот с удивлением оглянулся и ответил:

– Да, какое-то непривычное чувство.

– Физический мир, – уточнил Форас-старший, указывая на кровать, – усталость тела, необходимость сна.

Сейчас младший всё приготовит.

Утро выдалось солнечным. Марбас был полон сил, хотя и несколько недоволен сложившимися обстоятельствами:

– И что, так каждый раз? – поинтересовался он у Форасов, встав с кровати.

Те переглянулись между собой, и старший, не скрывая искорки смеха в глазах, уточнил:

– Дальше будет хуже – ты захочешь есть, затем начнёшь испытывать некоторые эмоции. В общем, чем дольше ты в этом мире и в этом теле, тем сильнее человеческие потребности будут влиять на тебя.

– Гм, – пробурчал себе под нос Марбас. – А я и забыл всё это. Тогда давайте побыстрее всё закончим! Я возьму с собой только младшего.

Старший с удивлением посмотрел на проверяющего, но тот пояснил:

– Идти втроём – это перебор – насторожит собеседника. Двое – тоже немало, но на этот счёт у меня есть план. А ты, – он повернулся к старшему, – пока поищи-послушай, что среди земляков происходит: ты такой везучий или всё же есть кто-то более выдающийся. Форас-старший угрюмо кивнул, а парочка демонов, ничем не отличающихся от обычных людей, покинула пентхаус.

Уже стоя перед входом в банк, Марбас уточнил, обращаясь к Форасу-младшему и в то же самое время как бы разговаривая сам с собой:

– Ты молчишь и киваешь, что бы я ни сказал.

Тот послушно кивнул, и они вошли в большие стеклянные двери банка. Внутри царила тишина и прохлада.

Клерки сидели за своими стойками, занятые делом – никто не поднял на них глаза, что несколько удивило Марбаса. Он уже хотел было возмутиться, но младший, заметив замешательство своего спутника, указал рукой на аппарат, стоявший у входа.

– Нужно взять талончик, и нас пригласят, – сказал он шёпотом.

Действительно, как только младший подошёл ближе к аппарату, тот тихо зажужжал и выдал талон с номером. А демон уточнил:

– Фотография – они сканировали моё лицо, и теперь система узнаёт меня, помогая сделать нужный выбор.

– Помогая... – буркнул себе под нос Марбас. Но не успел он что-либо добавить, как над дверью, расположенной в глубине зала, зажегся номер, напечатанный на талончике.

– Нам туда, – указал рукой младший.

Они вошли в небольшое помещение, в котором основным предметом обстановки был большой стол, во главе которого сидела молодая женщина в больших роговых очках.

Очки, как рамки картин, делали её взгляд официальным и строгим. Она бегло посмотрела на вошедших, затем перевела взгляд на экран компьютера, стоящий перед ней.

– Мистер Форас, – сказала она и взяла паузу, смотря на Марбаса и не понимая, что этот господин здесь делает.

– И мистер Марбас, – уточнил демон, усаживаясь на одно из кресел, стоявших перед столом. – Опекун мистера Фораса и его дядя.

Девушка посмотрела на экран, пощёлкала клавишами и с удивлением посмотрела сначала на Марбаса, затем на Фораса.

– У мистера Фораса нет опекуна, – уточнила она.

– Видите ли, мэм, – сказал Марбас и взял небольшую паузу, а затем добавил: – Как ваше имя? Не могу рассмотреть – возраст, знаете ли.

Девушка беспокойно дотронулась до лацкана пиджака, на котором действительно ничего не было. Затем быстро открыла ящик стола и достала белую прямоугольную карточку, которую также быстро прицепила на положенное место.

– Меня зовут Кэтрин Мейн, – уточнила она голосом, в котором промелькнули нотки волнения. Видимо, вопрос о бейджике почему-то вывел её из того состояния настроя, в котором она пребывала в начале разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.